

АРНЕ ДАЛЬ ГЛУШЬ

«ПРЕВОСХОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ЖАНРОМ
ПОЗВОЛИЛО ДАЛЮ НАПИСАТЬ ЭТОТ
БЕЗУПРЕЧНЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ ТРИЛЛЕР —
ЛЕДЯЩИЙ ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ».

SUNDAY TIMES

18+

Триллер по-скандинавски

Арне Даль

Глушь

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Даль А.

Глушь / А. Даль — «Издательство АСТ», 2017 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-106389-4

«И все равно я знаю, что что-то происходит, происходит все время. Кто-то наблюдает за мной. Я во Тьме». Его зовут Бергер. Сэм Бергер. Больше он ничего не помнит. Кроме того, что должен выбраться отсюда. Сбежать. Сэм Бергер открывает глаза – и не понимает, где находится. Вокруг только белый снег и Молли Блум. Но может ли Сэм доверять ей? Кажется, Молли от него что-то скрывает. В силу обстоятельств им, детективам, приходится скрываться от правосудия. Они прячутся в Заполярье – туда непросто добраться даже на машине. Настоящая глушь – и в ней они проводят расследование, начало которого уходит далеко в прошлое... Убийца уже давно осужден и заключен в тюрьму, но действительно ли он виновен? Кто-то, похоже, хочет любой ценой помешать раскрыть тайну. Эта книга – душераздирающее путешествие в ледяное сердце тьмы.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-106389-4

© Даль А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

I	6
II	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Арне Даль Глушь

Arne Dahl
Hinterlands

© Arne Dahl, 2017

© Петруничева В., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

I

1

Комиссару Дезире Росенквист.

В первый раз я услышала этот звук два месяца назад. Его трудно описать. Как будто кто-то сидит в стене. Звук доносился и не снаружи, и не изнутри, и вряд ли его издавал человек. Но версия полиции, то есть заходивших ко мне недавно двоих молодых парней в форме, кажется, по прошествии нескольких дней, когда я могла обдумать ее, оскорбительной. А тогда я даже не знала, кто такие короеды. Теперь знаю.

Это паразиты, чьи личинки очень долго живут внутри сухой хвойной древесины, вплоть до десяти лет. Потом они, наконец, окукливаются и выбираются наружу. Дерево полностью разрушается изнутри, но снаружи выглядит здоровым. Избавиться от личинок короеда можно, только если сжечь зараженное дерево или обработать здание ядовитым газом.

Вгрызаясь в древесину, они издают отчетливый звук. Они не снаружи и не внутри, они во тьме.

Но я слышала не этот звук. Если только меня не преследует мой собственный паразит. Я чувствую, что за мной кто-то охотится.

Я живу очень уединенно. Никто не забредает сюда случайно: ни заблудившиеся туристы, ни любопытные риелторы, ни группы топ-менеджеров, которые притворяются, что отдыхают, принимая участие в соревнованиях по триатлону. Зато много диких животных. Конечно, я сначала решила, что это олень или лось забрел не туда, проломил забор и топчется среди моих растений. Но ни следов на грядке, ни повреждений ограды не обнаружилось. И я знаю, что ни олень, ни лось не могут перебраться через забор. Когда его ставили, я это продумала.

Так что речь может идти только о человеке, а не о животном. Но и люди бывают зверьми. И еще неизвестно, кто из миллионов представителей животного мира самый жестокий. Хотя вроде бы именно мы должны проявлять человечность.

К тому же, по подсчетам ученых, нам известно чуть больше половины из всех обитающих в мире видов животных.

Все-таки, наверное, ко мне пытался тайком пробраться человек. И у него – я исхожу из предположения, что это мужчина – не может быть никакой другой цели здесь на севере, в предгорьях. Сейчас навалило снега, и я обследовала снежный покров, но не нашла никаких доказательств или следов, которые не принадлежат мне самой. И все равно я знаю, что что-то происходит, происходит все время.

Кто-то наблюдает за мной.

Я во Тьме.

В девятнадцатом веке от всех замкнутых и ищущих свободы и справедливости женщин отмахивались, как от истеричек. К сожалению, мы и сегодня недалеко от этого ушли. Я знаю, что полиция уже давно считает меня истеричкой, хотя вы и прикрываете это убеждение такими терминами, как «сутяжница» и «любительница теорий заговора». И у вас под рукой уже наверняка готовый психиатрический диагноз. Удачи, скажу я вам. Я надеюсь, вы подавитесь этим диагнозом, когда склонитесь над моим жестоко искалеченным трупом.

Ведь этот человек не желает мне добра.

Меня действительно очень печалит, что никто не верит моим словам. Или еще того хуже, все считают меня сумасшедшей. Я же слышала, каким тоном разговаривали полицейские, которые приходили сюда. Я слышала, как они громко ржали над шуткой про «паразитов», садясь

в свою машину. Как будто я неспособна отличить зловредные личинки жучков от злобного взрослого мужика. Как будто я могу спутать издаваемые ими звуки.

Я пыталась уже много раз, но никто меня не слушает. Я и вправду во тьме.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что операция «Гладио» была на самом деле, что табачные фабрики в США добавляли в сигареты вещества, вызывающие зависимость. ЦРУ действительно имеет пистолет, вызывающий инфаркт и не оставляющий следов, а Церковь саентологии осуществила свою операцию «Белоснежка», несмотря на то что никто не верил, что это правда.

Сама я указывала на то, что Виктор Гуннарссон совершенно точно был замечен на Лунт-макаргатан сразу после убийства Улофа Пальме – это свидетельство записано, – и я лично разговаривала с полицейским, который признал, что два независимых свидетеля видели в тот июльский вечер спортивный автомобиль, принадлежавший местному следователю, около кафе на Чиннекулле.

Еще я неоднократно пыталась донести до вас, что не было ни намека на ДНК Эссама Касима на ноже, найденном в сливном отверстии в Стрёмстаде, а также что Пенни Грундфельт в течение трех лет до убийства Андерса Ларссона под ником DeathStar изливала свою ненависть во Флешбэке. Что рисунок ручкой на бедре Лизы Видстранд даже упоминался в местных газетах, но полиция махнула на это рукой и не изменила мнения о вине Карла Хедблума. И я ознакомилась с электронной перепиской между близнецами Абубакир, в которой упоминаются патроны к тому Ruger Mini 14, который снес голову Санчесу.

Но вам это безразлично.

Я заинтересую вас, только когда меня убьют. Только в виде трупа.

Да, я печатаю на машинке. Я отказалась от компьютера, как только узнала правду об АНБ. Ведь именно поэтому Эдвард Сноуден может скрываться в России – он никогда не пользуется компьютером. Кто-кто, а уж он-то точно пережил настоящую ломку от этого отказа, но со всем можно справиться. Я выхожу в Интернет с планшета, хорошо защищенного, но я никогда не пишу ни единого слова на компьютере. Любое из них остается навсегда в огромном облаке и может копироваться, как угодно. Если бы близнецы Абубакир, например, могли прочитать, что я знаю, мне грозили бы настоящие ужасы.

Я опять слышу этот звук, прямо сейчас. Боже мой.

Хуже всего, что он наверняка заберет с собой эти листки. Запачканные моей кровью. Потом избавится от них, не вдумываясь в содержание, как будто оно ничего не значит.

А я ведь пишу своей кровью.

Внешняя стена, внизу, там, где подвал. Неясный звук, как будто кто-то и впрямь движется внутри стены, глубоко в темноте. Но я, разумеется, понимаю, что он снаружи, что он пробирается через снег, лежащий на клумбах. Я только не понимаю, что ему нужно.

Неужели я все-таки случайно разгласила какие-то нежелательные факты до того, как отказалась от компьютера? И теперь оставшийся на свободе преступник чувствует, что мои предположения для него опасны? Или это просто обычный садист, который не имеет других намерений кроме собственно преступления? Взломщик, насильник, профессиональный убийца – мне, собственно говоря, наплевать на то, кто он, но я бы хотела узнать причину.

Я хочу знать, почему я умру.

Я не хочу вставать, не хочу отрываться от письма. Сумерки наступают все раньше, и они уже спустились, мне кажется, что еще и небо затянуто облаками, потому что за тьмой простирается как бы еще одна тьма.

Снова тот звук. Он переместился. Отрывочные, надоедливые, протяжные звуки вдоль стены, явно все ближе и ближе к входной двери.

Только бы это и впрямь были личинки короеда.

Мой взгляд не хочет отрываться от бумаги. И все же я чувствую, что должна найти выход. Огонек стеариновой свечи слегка трепещет в темноте, как будто вот-вот потухнет. Не слышно

ничего, кроме стрекотания моей печатной машинки. В любой другой ситуации оно смогло бы успокоить мои расшалившиеся нервы. Но не сейчас.

Потому что я снова слышу тот звук – быстрое шарканье, резкое поскрипывание. Никогда он не раздавался так близко.

Два месяца я живу с этим. Иногда каждый день, иногда в течение нескольких дней случается невыносимая пауза. Когда я сию секунду слышу все тот же звук прямо у двери террасы, он кажется почти прекрасным. Я бы не выдержала продолжения неизвестности, затянись она еще дольше.

Подвалом я не пользуюсь уже несколько лет, я туда даже не заглядывала все это время. В тот момент, когда я бросаю взгляд в сторону ведущей в подвал двери, ледяной ветер пронесется по спальне. И как только слабое пламя свечи гаснет, я слышу.

2

Четверг, 12 ноября, 14:17

Его зовут Бергер. Сэм Бергер. Больше он ничего не помнит. Кроме того, что должен выбраться отсюда. Сбежать.

Он прижался рукой к кухонному окну; оно было настолько холодным, что потная ладонь, казалось, вот-вот прилипнет к стеклу. Он быстро отдернул руку – отпечатки были настолько заметны, что он предположил, что на стекле осталась его кожа.

Первое, что он увидел в окне, было его собственное отражение. Он поднял правую руку, вытянул указательный и средний пальцы, так что кисть стала похожа на двустольный револьвер.

И выстрелил в себя.

За окном все было белым. Совершенно белым.

Глубокий снег лежал ровным покровом, под которым, возможно, скрывалось поле. И это поле, казалось, простиралось в бесконечность. Вдруг он заметил вдали какое-то движение, там, где уже едва хватало взгляда. Если изо всех сил напрячь зрение, можно было угадать в движущемся у горизонта длинном прямоугольнике автобус.

Ему нужно добраться туда.

Там есть дорога. Дорога на волю.

Дверь его комнаты впервые оказалась приоткрыта, ему удалось ускользнуть в самое правильное время, когда всех сморило после обеда, и он нашел кухню, куда он, насколько ему было известно, до сих пор ни разу не заходил.

Персонал подготовил все необходимое к вечернему кофе. На сервировочном столике стояло несколько термосов и блюдо с булочками с корицей, накрытое пленкой. Рядом со столиком висело несколько белых халатов.

Он снова посмотрел в окно, подойдя поближе; холод ударил ему в лицо. Он опустил взгляд и посмотрел на свое тело; из-под того, что в других обстоятельствах можно было бы принять за домашние брюки, торчали босые ноги. Он быстро подвигал пальцами – как будто они понимали, что ему без обуви до дороги никогда не добраться.

И все-таки он должен выйти. Должен сбежать. Он просидел здесь слишком долго.

Он слишком долго отсутствовал.

Он заглянул в кладовку. В дальнем углу стояла пара сапог, и он влез в них, хотя, они были ему малы размера на три. Пальцы пришлось подогнуть, но идти получилось. Может быть, получится даже бежать.

Вернувшись на кухню, он услышал за дверью крики, доносившиеся из коридора. Дверь была закрыта – но вряд ли это надолго.

Он схватил все три белых халата, висевших рядом с сервировочным столиком, и сделал несколько шагов к маленькой двери. Боль в согнутых пальцах ног не давала ему расслабиться.

Он натянул на себя первый белый халат, потом второй, но слишком близкий шум в главном коридоре помешал ему надеть третий. Осторожно нажав на ручку двери, он выскользнул в боковой коридор. Как можно тише закрыл за собой дверь и услышал, как распахнулась другая дверь кухни. Пробегая по темному коридору, он старался влезть в третий халат; из-за сапог его обычно проворная походка превратилась в безумное косолапое переваливание с ноги на ногу.

Обычно? Не было никакого «обычно». Уж во всяком случае, не походка. Казалось, он очнулся в совершенно пустом, совершенно белом мире.

В мире без знаков.

То, что казалось воспоминаниями, было ничем иным, как фантомными болями души. Все исчезло, обрублено. Как будто мозг сознательно заметал за собой следы.

И все же он узнал дверь, узнал даже щель, из-за которой последние метры темного коридора были пронизаны холодом.

Он распахнул дверь. Оказался на большой, прямо-таки огромной террасе, как будто она относилась к королевскому дворцу. Однако от снега была расчищена только небольшая квадратная площадка у самой двери. Вся усыпанная окурками.

Наверное, он выходил сюда покурить, когда все еще пребывал во тьме. Наверное, так и было. А как иначе он мог найти дорогу сюда?

Но разве он не бросил курить?

За границей утоптанного квадрата снег лежал метровым слоем. Расчищая площадку, из него вынули куб, так что перед дверью образовалась крутая ступень из плотно слежавшегося снега, ведущая на снежную равнину. До перил террасы оставалось метров шесть, и неизвестно, сколько оттуда вниз до земли.

До поля, ведущего к дороге. К дороге, ведущей отсюда.

Прочь.

Он бросился на окружавший его глубокий снег. Тот был покрыт толстым настом, так что не проваливались даже непропорционально маленькие ступни. Но под конец и это уже не спасало – борьба шла уже не за то, чтобы скорее добраться до ограды, а за то, чтобы хоть как-то передвигаться. В то самое мгновение, когда он добрался до перил, за его спиной раздался звук – скрипнула дверь на террасе.

До земли было метров пять. Там начиналось поле, которое он видел из окна. Снежный покров выглядел толще, чем на террасе. Если он такой же твердый, можно просто поломать ноги. Но выбора не было.

Не оглядываясь, он перекинул через перила сначала одну ногу, потом другую. Три халата развевались за ним, как странное подобие крыльев. Развевались очень долго.

Он спрыгнул в снег и утонул в нем. Да, утонул, снег смягчил падение. Он кинулся вперед, кувыркнулся прямо в метровую толщу снега. Рот забился, стало трудно дышать.

Это тянется слишком долго, его охватила паника. Необоримая паника. Однако он сумел встать и мог держаться на ногах. Он сплевывал и сблевывал снег, но продолжал бежать по полю. К дороге. Время тянулось немилосердно долго. Движения напоминали борьбу с зыбучими песками.

Преодолев с десяток метров, он бросил взгляд через плечо. Два широкоплечих мужчины стояли у перил террасы и смотрели на него. Потом исчезли.

Он продолжил бег. Снег одновременно был утрамбованный и пористый, податливый внутри, крепкий сверху. Это была борьба с силами природы. И, несмотря на три слоя больничных халатов, было безумно холодно.

Пошел снег. Крупные хлопья летели с темнеющего неба. Солнце уже зашло, когда он уловил новый звук, отличный от его судорожных вдохов и выдохов. Он замер, обратил взор к

небесам, подставив лицо снежинкам, которые ложились на него, словно кусочки маски, затаил дыхание, прислушался.

Очень внимательно прислушался.

В последних, слабых лучах закатившегося солнца он угадал какое-то движение вдалеке. Наконец ему удалось различить и силуэт. Сквозь белую пелену двигался прямоугольник.

И движение было направлено в его сторону. Он заторопился, сделал слишком смелый шаг, оступился. Чтобы не растянуться ничком, он очень сильно отклонился назад и упал на спину, не успев вытащить провалившиеся по колено ноги из снега. Подняться не удавалось, кружащиеся снежинки ложились ему на роговицу, глаза слезились. Подняться действительно не удавалось.

Ему пришлось искать глубоко внутри остатки силы воли, далеко упрятанный резерв энергии. Сгусток концентрированного бешенства. Он с ревом поднялся, окруженный снежным вихрем, халаты развевались, словно он неумоимо хлопал крыльями. Он был падшим, но вновь поднявшимся снежным ангелом.

Он ринулся дальше. Автобус приближался, его бока покрывал снег, и оставались видны только части оконных стекол. Шофер включил дальний свет, яркие конусы бежали впереди прямоугольника. Рокот мотора доносился все отчетливей.

Необычная мелодия свободы.

Теперь он видел дорогу, она вилась, как будто утопленная в толще снега. Он бежал, вдруг оказалось, что он может бежать, снег больше не оказывал того сопротивления. Он увидел, как автобус подкатывается все ближе и ближе. До обочины оставалось метров десять. Он упал на колени, снова поднялся. До автобуса оставалось совсем немного. Подняв руки, он неистово замахал. Шофер не мог не заметить крылатое белое существо в вихре пороши.

Продолжая бежать, продолжая махать, он добрался до обочины и из последних сил перепрыгнул через кювет. Автобус приблизился, на секунду беглецу показалось, что он встретился взглядом с водителем.

Но автобус не притормозил.

Протянув руку к покрытому снегом кузову, он согнул пальцы, словно это были когти, слово он хотел остановить многотонную машину одной лишь силой воли. Автобус шумно пронесся мимо него, не меняя скорости. Когда кузов слегка качнуло в сторону, беглец заметил на покрытом снегом боку пять отчетливых следов разной длины; следы его пяти пальцев.

Он посмотрел на закованную правую руку, на окровавленные кончики пальцев, но ничего не почувствовал. Вообще ничего. Он опустил на колени. У него не было сил даже на крик.

Исчезнувший вдали автобус оставил после себя непроницаемое облако. Он оказался в этом неожиданном снежном вихре, который постепенно, медленно начал стихать.

По другую сторону снежной завесы появился какой-то объект. В движении. И как будто это было связано с ним. Из вихря выступили две фигуры, два широкоплечих мужчины. Один из них все еще махал вслед автобусу, чтобы тот проезжал, как будто в искривленном времени.

Второй мужчина пересек дорогу, поднял кулак и ударил беглеца прямо в лицо. Тот был уверен, что потерял сознание еще до того, как на него обрушился этот удар.

Последним услышанным им звуком был шорох снега, медленно падающего с небес.

3

Четверг, 12 ноября, 17:48

Белая поверхность. Ничего не происходило, и ни единой подсказки вокруг.

По мере того как поле зрения расширялось, в нем появились параллельные лампы дневного света на белом фоне. Одна из них мигала, слабо, но быстро, освещая нервно пульсирующим светом белый потолок.

Он узнал свет. Он видел его раньше. И все же едва ли это можно было назвать памятью.

Первая сознательная мысль: как удивительно быть таким опустошенным, таким лишенным всего. Только тело. В этом чувствовалась абсурдная свобода. Свобода от прошлого.

Но появилось и совершенно другое ощущение. Как будто в его сознании приоткрывались дверь за дверью. Как будто он действительно в первый раз *захотел* вспомнить.

Мужской голос властно произнес:

– Сильное переохлаждение, но признаков обморожения нет.

Он перевел взгляд с потолка на одетого в белое мужчину, у которого еще и густая шеволоюра была белой. Врач вернул бинт на его правой руке на место и закрепил двумя кусочками пластыря. Потом встретился взглядом с пациентом и долго задумчиво смотрел ему в глаза.

– Я доктор Стенбум, вы меня узнаете, Сэм?

Он покачал головой. Он не узнавал белого человека. Хотя что-то подсказывало ему, что должен бы.

– По крайней мере, с рукой все в порядке, – сказал доктор Стенбум и положил ее, очень аккуратно, ему обратно на бедро.

– Повязка, стало быть, потребовалась не в связи с обморожением, а из-за того, что ваши кончики пальцев были сильно изранены, когда вы попытались раздрать бок автобуса. Мы перевязали каждый палец по отдельности. По нашим сведениям автобус ехал со скоростью больше восьмидесяти километров в час, что объясняет ваши травмы. Все заживет в течение недели-другой. Вы помните, как пытались задержать автобус, Сэм?

К собственному удивлению, он кивнул. Он действительно это помнил. Он помнил всю свою безумную гонку. Он помнил кухню, площадку для курения, террасу, поле. Помнил снег, забивший ему рот. Помнил автобус. Помнил двух широкоплечих мужчин.

– Чего я не совсем понимаю, – продолжил доктор Стенбум, – так это откуда у вас ушибы на лице.

«А я понимаю», – подумал он и слегка улыбнулся. Украдкой улыбнулся. Это вызвало странное натяжение. Он ощупал лицо – вся голова, кажется, была замотана.

– Вы помните, как получили травмы на лице? – спросил врач.

Он покачал головой. Доктор Стенбум, наоборот, покивал, медленно и озабоченно.

– Недавно мне показалось, что я вижу в вашем взгляде понимание, Сэм, но память, похоже, все-таки покинула вас. Вы знаете, какой сегодня день недели?

Он покачал головой. Он не был даже уверен, вспомнит ли названия всех дней. Вроде бы их семь?

– Понедельник, – ответил он.

– Не совсем, – сказал доктор Стенбум, наморщив лоб.

– Вторник, – продолжил он. – Среда, четверг, пятница, воскресенье.

– Вы забыли субботу, Сэм.

Он снова посмотрел на потолок. Он забыл субботу. Он даже не смог сосчитать до семи.

– У вас сотрясение мозга, Сэм, – пояснил доктор. – Возможно, это из-за него, а не из-за... вашего прежнего состояния. Вы можете сказать, как вас зовут?

– Сэм Бергер.

– Хорошо. А вы помните, как попали сюда?

Слабое шевеление внутри, скорее внизу в затылке, чем наверху у макушки. В спинном мозге? Картинка: снег, бешено летящий в лобовое стекло, быстрое отражение в том же стекле, копна волос. Все снова исчезло.

Он покачал головой. Доктор Стенбум кивнул.

– Но вы помните, что пытались сбежать?

Он кивнул.

– Ясное дело, пытался, – сказал он. – Я же не знаю, где я? На Северном полюсе?

Доктор Стенбум засмеялся, но быстро снова посерьезнел.

– Вы помните, кто вас сюда привез?

Опять смутные воспоминания, картинки, в которых чего-то не хватало, как в порванных фотографиях. Он покачал головой.

– Вы помните, был ли это мужчина или женщина?

– Женщина, – моментально ответил он и сам удивился.

– Хорошо, Сэм. А как она выглядела, помните?

– Блондинка.

– У нас есть записи с видеокамер наблюдения у главного входа. Все совпадает, там была светловолосая женщина. Но она оставила вас снаружи, в снегу. Нам пришлось выйти и занести вас на руках, Сэм. Кто она?

Он почувствовал, что моргает. С каждым движением век бинты чуть натягивались. У него и впрямь замотана вся голова?

– Не знаю, – сказал он.

– Мы тоже, – развел руками доктор Стенбум. – У нас нет никаких данных о ваших родных и близких, с которыми мы могли бы связаться теперь, когда вы начинаете выздоравливать.

– Я начинаю выздоравливать?

– Несмотря ни на что, думаю, да, – улыбнулся доктор Стенбум и встал. – Думаю, что вы на пути к выздоровлению, Сэм.

– Понятия не имею, на каком я пути.

– Надо поспешать медленно, Сэм. Если вы не знаете, на каком вы пути, значит, и торопиться по нему идти, наверное, не стоит.

– А что вы сейчас делаете?

– Ввожу обратно капельницу, Сэм. С лекарством, которое мы давали вам все эти две недели. Ту же дозировку. Со временем мы сможем начать снижать дозу.

– А что это за средство?

– Главным образом препарат для парентерального питания. Вы не больно-то могли усваивать пищу другим способом, Сэм. Но еще и успокоительное. Оно было крайне необходимо вам раньше, и оно не меньше нужно вам сейчас, когда к вам постепенно начинает возвращаться сознание.

Он рассмотрел пластыри на сгибе левой руки. Из них торчал желтый катетер. Туда врач вставил трубку, которая вела к капельнице в подставке, висевшей над его головой. Доктор встал рядом с койкой, уперев руки в бока, и посмотрел на лежащего. Нахмутив брови, он сказал:

– Вы бежали, Сэм. Если бы персонал не заметил вашего отсутствия, вас ждала бы верная смерть на морозе. Обычно в таких случаях пациента привязывают к постели ради его же блага. Однако я предпочитаю сейчас этого не делать, потому что верю, что вы понимаете, что бежите не от нас, Сэм, а от реальности, от своих воспоминаний. И судя по тому, что я и остальной персонал слышали в последние недели, возвращение воспоминаний не будет для вас безболезненным. Я хочу, чтобы вы подумали об этом, Сэм, может быть, даже запомнили это. Это *не будет* безболезненно.

Доктор Стенбум внимательно посмотрел на своего пациента. Потом вышел, закрыв за собой дверь. Кажется, щелкнул замок, запертый снаружи.

Лежа в постели, он, однако, смотрел только на торчащий из руки желтый предмет. Потом начал медленно отдирать полоски пластыря, фиксирующие катетер.

Кожа вокруг того места, где толстая игла входила в вену, была не только посиневшей, но и сильно исколотой. Следы многочисленных уколов более или менее зажили, и не было никакого сомнения в том, что он пролежал здесь весьма долго. Пару недель, так сказал чертов доктор Стенбум, но могло быть и намного больше. Время для него пока еще мало что значило.

Он рывком вытащил иглу из руки. Довольно слабая струйка крови побежала из сгиба локтя, как будто никакого давления в теле не осталось. Потом струйка превратилась в ручеек, и пришлось выхватить из-под головы подушку, сорвать наволочку и положить подушку под локоть. Кровь, извиваясь, медленно стекала вниз, и под рукой расплылось большое пятно.

Он согнул иглу, это оказалось сложнее, чем он рассчитывал. Наконец она приняла слегка изогнутую форму. Он приблизил ее к свету, внимательно рассмотрел. Потом воткнул ее в кровотокающую ранку, поводил внутри, ища место, где вывести ее через вену.

Боль добавляла ему собранности.

Он посмотрел на кожу. В нескольких сантиметрах ниже входного отверстия появилась небольшая выпуклость. Он нажал сильнее, бугорок увеличился. Наконец, кожа разошлась. Изнутри. Из руки показалась изогнутая игла. Кровь сочилась из обеих ранок.

Он видел отверстия, пулевые отверстия. Мимо проносились видения, пытались задержаться. Настойчиво пытались.

Но прозрачная жидкость, смешивающаяся с кровью, прогнала их. Жидкость капала из согнутой иглы. Кап, кап. Лекарство. Оно больше не бежало по его венам и не отравляло его тело.

И его душу.

Он вернул пластырь на ранки, проделав небольшое отверстие в его поверхности, и наблюдал за происходящим, пока из-под пластыря не показалась первая прозрачная капля, стекшая на подушку. Тогда он поправил желтый катетер, и все стало выглядеть как раньше.

Он положил испачканную кровью подушку на другую сторону кровати, чтобы дать ей высохнуть, свесил ноги на пол и какое-то время сидел на краю постели. Потом перенес вес тела на нижнюю часть туловища и поднялся. Его слегка качало, боль молниями проносилась по голове, но он остался стоять. Затем сделал первый пробный шаг, второй. Конечно, его пошатывало, конечно, он крепко держался за капельницу, но ноги держали.

В дальнем конце пустой комнаты находилась раковина, над которой висело зеркало. Он доковылял туда, посмотрел на странное лицо мумии, нашел это логичным. Человек без воспоминаний, человек без лица. Это не было отражением Сэма Бергера. Он ощупал повязку, казалось, он видит в зеркале кого-то совсем другого.

Кого-то совсем другого. Отражение кого-то совсем другого. Вдруг зеркало превратилось в лобовое стекло, наверное, какой-то машины, вдруг оно оказалось не чистым, а залепленным чем-то летящим со всех сторон. Это были снежные хлопья, большие плоские снежные хлопья, которые бились о стекло, как будто автомобиль прорывался сквозь хаотично мечущиеся и вспыхивающие осколки света. И в промелькнувшем отражении он увидел что-то другое. Это не было его, Сэма Бергера, отражением. Это была копна белокурых волос. Но никакого лица, только волосы. А потом все исчезло. Осталась только диковинная, тарасившая глаза мумия. И не в лобовом стекле, а в зеркале, в мрачной пустой комнате в каком-то месте, которое должно было быть медицинским учреждением.

Он отошел от зеркала, ему больше не хотелось туда смотреть. Нетвердыми шагами он добрал до окна. Выглянул наружу. Поле, которое еще недавно было таким белым, теперь черным-черно. Ничего не видно: ни луны, ни единой звезды, только крошечная тьма. Непонятно даже, идет ли снег.

Наверняка идет.

Он не мог отделаться от своего отражения. Снова мумия. Но на сей раз мумия сделала жест Сэма Бергера: подняла перебинтованную правую руку и застрелила себя из двуствольного револьвера.

Потом он затих. Как фигура у стола.

Внезапное замешательство. Стол? Фигура?

Ужасающее чувство, как будто помнишь что-то, чего совсем не помнишь. Именно эту пустоту.

Он встал у черного, как сажа, окна. Он видел свое отражение, ту же мумию. За спиной проступали вещи, представляя его взгляду. Комната, большой, почти пустой дом. Дождь, хлещущий в окно. Фигура, сидящая на стуле посреди комнаты. Пустота, тишина, которую ни с чем нельзя сравнить. Из темноты возникла мебель, точнее, почти полное отсутствие мебели. Интерьер практически без мебелировки. Непонятого происхождения крик, поднимающийся к сравнительно высокому потолку. И ничего больше. Ничего больше. Впрочем, не совсем.

Копна волос. Белокурая копна волос. Взвилась злость.

Сидящая фигура. Все непонятно.

Четырехлистный клевер. И внезапно кровавый взрыв. Насилие и кровь. Дом наполнился болью. Повсюду пулевые отверстия. В полу. Следы от пуль в полу.

Сидящая фигура. Женщина. Тишина.

Потом показался подвал, темная подвальная лестница. Он был не в силах спуститься по ней. Мозг воспротивился.

Закружились воспоминания, но он понятия не имел, откуда они. Два человека, еще дальше, как будто он смотрит на них с большого расстояния. И в пространстве, и во времени. Сначала они пришли, потом сидели неподвижно, очень близко друг к другу.

Бешено завертелись.

Возможно, это было в действительности: луна выбралась из-за облака, освещая медленно падающие снежинки. Они не неслись навстречу лобовому стеклу, а танцевали. И можно было проследить за каждой из них, равнодушных и к времени, и к скорости.

Никакой скорости и не существовало. Она была внутри него и больше нигде. А там все двигалось очень быстро.

Непостижимая расплывчатость воспоминаний – всё ускользало. Как только он надеялся ухватить картинку, она ускользала.

Снова два человека, большой и маленький. Тандем. Он заставил себя удерживать их, хотя они двигались к столу. Большим был он сам, это был Сэм Бергер, а рядом с ним находилась женщина. Но она была не белокурой, а темноволосой, довольно невысокой, со стрижкой «каре». Он тщетно пытался вспомнить имя. Дезире?

Да, точно, и совсем не точно. Другое имя, может быть, прозвище? Да. Ди. Вроде бы так? И вдруг он увидел их со стороны, Сэма и Ди, тандем.

Полицейские.

Потом они сидели по одну сторону стола в допрос-ной. Сэм слева, Ди справа. Росенквист. Дезире Росенквист.

Он видел свое выражение лица, мрачное, угрюмое. Он видел лицо Ди, подбадривающую улыбку. Хороший полицейский, плохой полицейский. Он видел насмешливый жест Сэма Бергера.

Было три женщины. Одна из них неподвижно сидела на стуле в комнате без мебели, где дождь барабанил по оконному стеклу и где на полу были кровь и дыры от пуль.

Или их было четыре?

Или еще больше?

И тут все пропало.

Резко. Как будто переживший сотрясение мозг с непривычки выключился, получив передозировку впечатлений.

Он сделал шаг вбок. Капельница зазвенела. Кожа вокруг ран, в которых торчала иголка, натянулась. Он рассмотрел пластырь на руке. Кажется, ничего не произошло. Он подождал. Наконец, капля прозрачной жидкости просочилась через маленькое отверстие в пластыре.

Его изобретение все еще работало.

Он повернулся и оглядел комнату. На полу за ним остался след. Но не кровавый, а из нескольких прозрачных капель жидкости. След из капель. След из лекарства. Он надеялся, что они высохнут раньше, чем в его комнату снова наведается кто-то из персонала.

Пошатываясь, он подошел к постели. Там лежала подушка без наволочки, с расплывшимся пятном крови. Он потрогал его. Пятно оказалось по-прежнему мокрым. Он положил наволочку рядом и решил подождать и надеть ее, только когда кровь подсохнет.

Чтобы не оставлять после себя следов. Кровавых следов.

Он обогнул кровать и вернулся к исходной точке. Сел на край койки, потом закинул на нее ноги и лег на спину, ровно.

Взгляд уперся в потолок. Нервно пульсирующий свет, а за ним совершенная белизна. И все же на потолке имелось немало знаков. Знаков, которые начинали напоминать воспоминания.

Ему нужно сделать перерыв. Снова опустошить мозг, положить его на подзарядку. А потом он должен начать вспоминать.

По-настоящему вспоминать.

4

Пятница, 13 ноября, 07:33

В комнате не было окон. Зато полно людей. И еще больше мониторов. Было похоже, что она находится в подземелье. Во всяком случае, ниже уровня улицы.

В одном углу этой большой комнаты, где кипела какая-то лихорадочная деятельность, немного обособленно сидели два человека. Они сидели по разные стороны письменного стола и видели лица друг друга не чаще, чем экран монитора. Одному из двоих приходилось сидеть лицом к стене, и они делали это по очереди, потому что оба предпочитали видеть всю комнату целиком.

Рослый мужчина, который на этой неделе вытащил несчастливый жребий и сидел, уткнувшись взглядом в стену, посмотрел на дешевые дайверские часы на мощном запястье. Словно он только что вынырнул на поверхность и решил проверить, как долго удалось задерживать дыхание. Он сделал пару глубоких вдохов и снова нырнул. Глубоко в море, которым в его случае был компьютер.

Рядом с монитором стояла латунная табличка, гласившая, что имя мужчины – Рой Гран.

С другой стороны стола на него бросили быстрый взгляд. Ни один из двоих не хотел в этом признаваться, но между ними постоянно происходила борьба за то, кто первый получит повышение и будет включен в так называемые «внутренние ресурсы».

А пока они оставались «внешними».

Рядом с монитором, повернутым к стене, находилась такая же латунная табличка, только с другим именем: Кент Дёсс. И теперь Кент Дёсс вперился в экран, на котором в строку поиска были вписаны приблизительно те же слова, что у Роя Грана. Надо проверить, не появилось ли чего нового.

Как обычно, поиски давались нелегко. Если кто-нибудь из разыскиваемых вопреки ожиданиям объявится в публичной сфере, это случится исключительно по ошибке. И Рой с Кен-

том искали именно ошибку такого рода: использование банковской карты, выход в Интернет, любого рода промах с использованием имени.

Кент Дёёс подумал о Молли Блум.

Рой и Кент работали с ней, и она производила на них сильное впечатление. Она бы никогда не допустила подобной ошибки. Она числилась во «внутренних ресурсах», являлась одним из наиболее высоко ценимых сотрудников, почти легендарным специалистом по внедрению. Ей разрешалось использовать некоторое количество секретных имен, которые не были известны даже СЭПО¹, и она бы могла продержаться в тени хоть целую вечность. А вот ее партнер, если можно его так назвать, бывший инспектор уголовной полиции Сэм Бергер был слабым звеном. Почти вся их энергия была брошена на поиски возможных оплошностей Бергера. Но уже прошла пара недель с тех пор, как и он, казалось, исчез с лица земли.

Либо Молли полностью контролировала его, либо он залег на дно самостоятельно. Второй вариант выглядел не слишком правдоподобным. Чертов Сэм Бергер *должен был* совершить ошибку, это неизбежно. Требовалось только терпение. Однако терпение не было сильной стороной ни у Кента, ни у Роя.

Стандартные поиски: найти самые отдаленные места, такие, чтобы минимально освещались в Сети. Гостиницы без электронной картотеки, засекреченные медицинские учреждения, спортивные залы в глуши, авиабилеты, приобретенные на сомнительные имена и вызывавшие запоздалую тревогу, пограничные пункты с замедленной отчетностью, едва заметные точки в шенгенской зоне, где никто не проверял документов. И разумеется, вне ее. Хотя Бергер и Блум, вероятно, находились на территории ЕС, в шенгенской зоне. Скорее всего там, где в отвратительном месяце ноябре было максимально комфортно.

И все же Кент не воспринимал гипотезу о бегстве за границу как вполне убедительную. Он долго работал вместе с Молли Блум. Он не верил, что она сбежала за рубеж. Он сконцентрировался на Швеции. На самых укромных ее уголках. Может, где-то во внутренних областях?

Рой Гран и Кент Дёёс не получили наиболее засекреченную информацию. То есть они не знали, что именно совершили Молли Блум и Сэм Бергер. Только то, что их поиски СЭПО числит среди приоритетов.

Кент приостановил работу на несколько секунд и вскоре горько в этом раскаялся, но, так и не сумев удержаться, погрузился в воспоминания о странных обстоятельствах. В его памяти отпечатались безумная драка с Бергером в квартире Блум, куда тот проник тайком. Бергер дрался, как трижды сидевший рецидивист, им пришлось усыпить его. Потом он вспомнил, как Блум допрашивала Бергера, причем очень жестко, но в то же время она по непонятной причине вывела из строя записывающее оборудование. Наконец он вспомнил рейд в кошмарную квартиру в Соллентуне. Бергер и Блум находились в ней, вместе, проводя героическое расследование, чтобы спасти похищенных людей.

Что-то в воспоминаниях у Кента не сходилось.

Но он помнил, – он не мог не улыбнуться – как Роя вырвало. А Кента нет.

В общем, он был не вполне сосредоточен, когда всплыл результат поиска. Он не знал, как долго мигал экран, но обратив на него внимание, принялся действовать максимально быстро. Он пробрался через некоторое количество каталогов, обошел пару брандмауэров, взломал несколько паролей и в шаге от успеха увидел то, чего совсем не хотел видеть. Руку.

Руку над монитором. Руку с дешевыми дайверскими часами. Указательный и средний палец изображали знак «победа».

Рой резко подскочил и проорал:

– Арьеplug!

¹ Служба государственной безопасности Швеции. (Здесь и далее, если не оговорено иначе, прим. пер.)

Он уже выбегал из комнаты, когда Кент с недовольным видом завершил свой поиск. На экране возникла надпись: «Сэм Бергер. Пансионат Линдсторп, Арьеплуг».

* * *

Как обычно, пришлось стоять и ждать под дверью, пока ленивое жужжание отпираемого замка не возвестило, что они могут зайти в святая святых. К этому моменту они топтались в коридоре уже больше минуты. Кента мучил вопрос, чем занимается начальник отдела разведанных СЭПО в течение этой из раза в раз повторяющейся минуты. Или это и правда только демонстрация власти?

Рой открыл дверь и вошел в кабинет. Начальник отдела Август Стен сидел за письменным столом: прямая как стрела спина, коротко стриженные седые волосы без малейшего намека на лысину и холодный взгляд светло-серых глаз.

– Мы его нашли, – сказал Рой.

Август Стен медленно снял очки для чтения, постучал ими по столу и сказал:

– Кто кого нашел?

– Бергера, – ответил Рой. – Сэма Бергера. Мы нашли его. В пансионате рядом с Арьеплугом.

Брови Стена на секунду нахмурились, в остальном каменное выражение лица не изменилось ни на йоту. И с губ не сорвалось ни слова.

– Я могу предложить добраться туда как можно скорее? – спросил Рой. – Каждая секунда промедления увеличивает риск побега.

Август Стен внимательно посмотрел сначала на него, потом на Кента. Это никогда не доставляло удовольствия. Потом коротко кивнул.

Рой и Кент выскочили за дверь через полсекунды. Стен перевел взгляд на захлопнувшуюся за ними дверь. И долго на нее смотрел.

Потом выпрямил шею, так что в ней громко хрустнуло, и выдвинул один из нижних ящиков стола. Пошарил в нем и вытащил старый мобильный телефон. Сидя с отсутствующим видом, дождался, пока тот включится. Потом набрал номер.

* * *

Рой Гран предполагал, что «как можно скорее» будет означать перелет до места на вертолете. Однако от здания полиции в Стокгольме до Арьеплуга оказалось больше девяти сот километров, о чем он и не подозревал.

К счастью, они успели на утренний самолет и надеялись, что если все пойдет по плану, то в Арвидсъяуре в аэропорту их будет ждать вертолет, на котором они преодолеют оставшиеся до цели сто пятьдесят километров.

Выйдя из почти пустого самолета, они обнаружили, что снегопад куда сильнее, чем казалось при посадке. Было похоже, что он набирает силу. Да и ветер вызывал беспокойство.

Потом они оказались в очень маленьком вертолете, в котором их швыряло туда-сюда и лишь изредка удавалось разглядеть за окном бесконечный горный массив. Памятуя о том, что Бергер хоть и не в совершенстве, но владеет приемами ближнего боя, они проверили оружие, два массивных пистолета Glock, и находящиеся на всякий случай под рукой шприцы с толстой иглой для инъекций, которую можно быстро вонзить, например, в сонную артерию.

Вертолет пролетел над маленьким, вмержшим в снег городком, который едва можно было разглядеть, потом под ними снова раскинулась сельская местность. Кент разглядел крошечный прямоугольник, двигавшийся вдоль извивающейся полосы, которая при ближайшем рассмотрении могла, наверное, оказаться дорогой. А прямоугольник, вероятно, был автобусом.

Сквозь снегопад проступили очертания здания, похожего на усадьбу, перед ним простиралось ровное, покрытое снегом поле, посреди которого был расчищен круг для посадки вертолета. Опытный, но неразговорчивый пилот уверенно приземлился, и все вокруг побелело. После остановки мотора и винта прошло немало времени, прежде чем взвихренный снег, наконец, улегся. Из-за снежной завесы появились три человека в зимней одежде. Дверь открылась, и одетых в тонкие куртки Кента и Роя обдало холодом, оба подумали, что им стоило бы догадаться, что в середине ноября в Арьеплуге будет морозно.

Первым навстречу вышел мужчина с белыми волосами, который протянул им руку.

– Доктор Стенбум, – представился он. – Добро пожаловать в Линдсторп.

– Рой Гран, СЭПО, – сказал Рой и пожал ему руку. – И Кент Дёёс.

– Тоже из СЭПО, – прибавил Кент.

Доктор Стенбум не удосужился представить своих спутников, да и вряд ли это было нужно. И Кент, и Рой хорошо знали этот типаж: санитары, охранники или надзиратели. Развернувшись, доктор повел гостей по небрежно расчищенной тропинке к похожему на усадьбу зданию.

– Стало быть, Сэм Бергер? – заговорил врач, идя по снегу. – Не знаю, в курсе ли вы, что вчера он попытался бежать. Мы нашли его в последний момент, иначе он бы замерз насмерть.

– Бежать? – спросил Рой. – Он заперт?

– Сейчас да, – ответил Стенбум. – Он был очень плох, когда прибыл к нам. Кто-то неизвестный оставил его у нас в буйном и невменяемом состоянии. Нам пришлось его усыпить. Очнувшись, он впал в тревожность, угрожал и скандалил. Дошел до такой ярости, что мы решили подержать его на снотворных.

– Когда это случилось?

– Около двух недель назад.

– То есть вы продержали его в бессознательном состоянии две недели?

– Хотя наш пансионат и специализируется на сложном психиатрическом лечении, у нас нет возможности обеспечить круглосуточную охрану. Несколько раз за это время мы снижали дозу седативных препаратов и наблюдали за душевным состоянием пациента. Только вчера утром он показался нам достаточно спокойным для того, чтобы постепенно начать выводить его из сна. Но это спокойствие, очевидно, оказалось нужно только для подготовки побега. Весьма безумного побега, надо сказать. Он попытался остановить автобус голыми руками.

– И в каком состоянии он находится сейчас?

– Поскольку он получил несколько травм, мы решили снова назначить максимальную дозу. Он крепко спит.

– Травмы? – переспросил Кент, передернувшись. – Обморожение?

– Не столько это, сколько ушибы и ссадины. Как я уже сказал, он пытался остановить автобус голыми руками. Вероятно, автобус сбил его с ног, отсюда травмы лица. Он перебинтован.

– Перебинтован?

– Голова, да.

Они подошли к двери, которая, судя по всему, не была главным входом в здание. Доктор Стенбум набрал код, провел карточкой по замку и договорил:

– В общем, я боюсь, что вы не сможете допросить Бергера сразу же. В чем бы его ни подозревали...

Рой и Кент оставили без внимания его любопытство. Они отряхнули снег со своих тонких курток, и все вместе двинулись по совершенно голому унылому коридору, освещенному холодным, скудным светом. Потом свернули в коридор пошире. Мимо них прошла санитарка, толкая перед собой тележку с лекарствами, и больше никого. Не было видно ни одного пациента.

Наконец, доктор Стенбум остановился возле одной из совершенно одинаковых дверей и достал классическую связку ключей. Вставил один из ключей в замок, который, судя по всему, был непростым. Потом Кент и Рой заметили, что он нахмурился, ненадолго, но заметно. Как будто по условному знаку оба расстегнули молнии на куртках и застёжки на кобурах. Доктор Стенбум открыл дверь, которая оказалась незапертой.

На единственной кровати у дальней стены комнаты лежал человек, с головы до ног укрытый одеялом.

Рой достал пистолет и быстро осмотрел комнату. Кент подошел к постели, которую отделяло от двери несколько метров, тоже достав свой Glock. Там он откинул одеяло.

Лежавший под одеялом человек мирно спал.

Это был человек в белом одеянии.

Медсестра.

Из ее руки торчал пустой шприц. Стенбум быстро осмотрел женщину и нашел, что угрозы ее здоровью нет.

– Какого черта! – заорал Рой и обернулся к обоим санитарам, которые как раз медленно заходили в палату.

Они удивленно пожали плечами.

Сбоку от спящей медсестры на простыне расплылось большое мокрое пятно.

– Это еще что такое? – выкрикнул Кент. – Этот идиот обоссался? Или она?

Доктор Стенбум наклонился, принялся и покачал головой. Он повернулся к стоящей рядом с кроватью капельнице, взял трубку и посмотрел на ее конец, который должен был входить в катетер на руке Сэма Бергера. Вместо этого желтый катетер со свежими следами крови болтался на трубке. Врач осмотрел иглу, она оказалась согнутой.

– Лекарство не подействовало, – констатировал он.

– Говорите яснее! – прорычал Рой.

– Он согнул иглу, – задумчиво проговорил Стенбум. – Лекарство вытекло. Он не был усыплен. Когда медсестра вошла, чтобы...

– Он был наготове, – оборвал его Кент и обратился к санитарам. – Он бежал вчера. Куда он бежал?

Санитары переглянулись, обмен взглядами явно затянулся.

– Да отвечайте, черт вас дерит! – крикнул Рой.

– На кухню, – ответил один из санитаров, тот, что повыше. – Потом на террасу. Дальше через поле к дороге.

– Тогда бегом туда! – взревел Рой.

Они побежали по коридору. Доктор Стенбум, тяжело дыша, сказал:

– Кровь на игле совсем свежая. Прошло всего несколько минут.

Они бросились вверх по лестнице и свернули в еще один коридор. Один из санитаров открыл дверь в кухню. На сервировочном столике стояло несколько термосов и блюдо с булочками с корицей, прикрытое пленкой. И ни души поблизости.

– Ищите! – крикнул Рой.

Следуя указаниям Кента, мужчины принялись немного неуклюже обыскивать грязноватую кухню. Тот, что пониже, сказал:

– Посмотрите сюда.

Все подошли к окну, около которого он стоял. Через грязное оконное стекло был виден вертолет. Пилот стоял около него и курил. Снегопад продолжался, и снежинки, казалось, подхватывают сигаретный дым и влекут его вслед за собой на землю.

– Сюда, – еще раз повторил санитар и показал на мойку.

В одной из четырех невымытых кофейных чашек кляксой расплылась капля крови.

И кровь была свежей.

На кухне было еще две двери. Рой подбежал к одной из них и дернул. За ней оказалась кладовая. В ней было пусто.

– Проверьте здесь, – крикнул он и кинулся ко второй двери.

За ней в обе стороны уходил мрачный коридор. Рой высунулся туда и услышал за спиной:

– Здесь внутри тоже кровь.

Рой быстро прикинул, где находится вертолет, и побежал по коридору влево. Метров через десять он остановился и осмотрел скучные бежевые обои. Кент догнал его, Рой поднес указательный палец к бледным красным пятнам на стене.

– У него кружится голова, – сказал Рой. – Он влетел в стену.

Вдвоем они бок о бок добежали до двери в конце коридора. Распахнули ее, и снежная буря ударила им в лицо. Они не сразу смогли снова начать дышать, еще дольше к ним возвращалась способность видеть. Снег кружился во всех мыслимых направлениях.

Они стояли на террасе, на которой от снега было расчищено не больше двух-трех квадратных метров. Возможно, место для курения. Рой и Кент увидели недавние следы в глубоком снегу. Наверное, поблизости есть перила или балюстрада, откуда, вероятно, как-то можно попасть на поле, где далеко слева еле-еле виднелся вертолет.

Рой поднял пистолет, как будто предмет в поле зрения позволял ему лучше видеть, но из-за этого его опередил Кент, уже спешивший по жесткому насту, балансируя и рискуя вот-вот провалиться в снег. Он добрался до засыпанных снегом перил и перевалился через них. Поначалу глубоко увязнув, он сумел выбраться и сквозь все усиливающуюся метель разглядел движущийся силуэт. Это выглядело настолько странно, что в любой другой ситуации Кент остановился бы и поразмыслил над зрелищем. Но сейчас он был на охоте, и ничто его не остановило бы. Ничто не могло ускользнуть от него.

Даже этот ангел.

Ибо именно так все и выглядело. Расправленные крылья, белые на бескрайнем белом фоне, наводили на мысль о том, что удаляющаяся фигура в любой момент может подняться, одолев все законы природы, взлететь сквозь пургу и продолжить триумфальное шествие по бушующим небесам, а потом спуститься к Кенту и с типичной для Сэма Бергера победной улыбкой увернуться, ускользнуть за пределы досягаемости, проплыть между снежинок и исчезнуть вдали.

Но этого не произошло. Силуэт приближался к Кенту. Нет, это Кент приближался к силуэту, это Кент выигрывал гонку и уже мог разглядеть его. Он видел на снегу узкий, тянущийся за беглецом кровавый след и шел по нему. Он уже настолько приблизился к крылатому силуэту, что почти мог дотянуться до него рукой.

Кент быстро оценил ситуацию. У него есть шанс, единственный шанс. Он выбирал момент, когда сможет броситься на беглеца, но стоило ему начать отталкиваться обеими ногами, как у того, кажется, удвоилась энергия, и он отдалился на расстояние, не позволяющее его схватить. Он обернулся, и Кент увидел обращенное в его сторону белое лицо и взгляд, как будто впервые видевший Кента. Словно и не было никакой жестокой драки в квартире Молли Блум в тогда еще бесснежном Стокгольме.

Казалось, что это совсем другой человек. Мумия. И эта мумия подняла забинтованную правую руку, как будто хотела застрелить Кента из пальцев.

Из-за этого мумия сделала неверный шаг, и внезапно нужный момент настал. Кент снова оттолкнулся обеими ногами от этого кошмарного снега, прыгнул и схватил хлопающее крыльями существо за руку, повалил на наст, который тут же проломился. Они оказались лицом к лицу в глубоком снегу, и Кент заломил беглецу руку, применив запретный прием, впечатал гада лицом в снежную перину.

Вытащенные глаза смотрели на Кента из-под бинтов, через плечо. Голубые, строптивые, сейчас в них сквозила легкая паника. Кент перевернул соперника на спину, прижал коле-

нями руки. Нашупал где-то на затылке конец бинта и начал разматывать повязку. Показалась избитая в кровь щека, затем подбородок со следами от ударов.

Ненавистное лицо Сэма Бергера отпечаталось когда-то у Кента на сетчатке, и настал момент отомстить за все унижения последних недель. Он хотел увидеть, как это окровавленное, испуганное лицо превращается в лицо избитого Бергера.

Он разматывал бинт медленно, с наслаждением, постепенно обнажая кожу. Крупные хлопья снега таяли на постепенно проступающем из-под повязки лице.

Но в победном кубке с медом оказалась ложка дегтя. Уже когда Кент подобрался к челюсти, ему начало казаться, что что-то не так. Он больше не мог тянуть и постарался разбинтовать пленника как можно скорее.

И оказалось, что в кубке был только деготь.

Кент долго смотрел на израненное, все в синяках лицо.

Потом закричал:

– Это, черт бы его побрал, не Сэм Бергер!

5

Среда, 18 ноября, 10:28

Снегопад прекратился. Снег остался только на земле. Спокойный, неподвижный. Мир побелел. Казалось, что человек ступает по целине, куда до него никто не добирался.

Среди белизны показалось что-то. Женщина.

Ее с трудом дающиеся шаги оставляли первые следы цивилизации. Символы борьбы, выживания. Символы непокорности удручающим обстоятельствам.

Ночь была долгой, и снежная буря лишь утром переместилась дальше к югу. Тщательно расчищенной дорожки уже почти не было видно.

Женщина перебралась через вершину, увидела деревянный домик в его новом облачении, бросила взгляд на мобильный телефон. В ее распоряжении оставалось еще две минуты, достаточно.

И тут она увидела его. Он шел, спотыкаясь, по снегу, его ярко-красная куртка виднелась издали.

Женщина остановилась, бросила взгляд на ясное голубое небо и побежала за мужчиной. Следы, оставленные им, были глубокие, четкие, но снег мешал ей двигаться быстро. Она скорее пробивалась вперед, чем бежала, а он петлял впереди, как будто его продвижение зигзагами отражало его душевное состояние.

И все же расстояние между ними сокращалось. Она достала мобильный телефон, не понимая, как давно на нем уже светятся цифры 10:29, которые в любой момент могли поменяться, и значит, она опоздает.

Последние метры она преодолевала больше как трактор, нежели антилопа. Она расстегнула длинный белый пуховик, и его подхватил ветер, превращая в подобие раздувающегося паруса в штормящем море. Мужчина обернулся, он был полон смятения и первобытного ужаса, но разглядеть глаза на заросшем седеющей бородой лице было нелегко.

Женщина упала на него, вжала его красную фигуру в снег, накрыла своим белым парусом и бросила взгляд на мобильник. В ту же секунду цифры поменялись на 10:30.

Они оказались лежащими лицом к лицу в этом подобии палатки. Мужчина устался на женщину, она поднесла палец к губам, призывая к молчанию, он повиновался.

Было странно видеть его таким. Он очень изменился. Удивительно было даже не то, что у него отросла такая буйная борода, а то, что она изменила цвет. Его темные волосы тоже поседел; казалось, две недели, проведенные на шведском полюсе недоступности, превратили его в другого человека.

Она все еще прижимала палец к губам, он по-прежнему молчал, лежал неподвижно, проявив вдруг уступчивость. Она посмотрела на мобильный, подождала еще. Не было слышно ничего, кроме их тяжелого дыхания. Два дыхания, два совершенно разных темпа жизни.

Она лежала на нем. Его тело казалось вялым и слабым. В снежной пещере, накрытой ее широким белым пуховиком, между ними едва ли не впервые после лодочного домика произошел контакт. Глаза над заросшими щеками смотрели ясно, как давно уже не смотрели.

Последний взгляд на телефон, теперь можно, всё позади. Женщина медленно поднялась, ее пуховик уже не служил средством маскировки и на удивление плотно облегал ее стоящую фигуру. Его же красная куртка распласталась по снегу. Мужчина медленно поднялся, встал рядом с женщиной, лицом к лицу.

– Спутник, – сказала она. – Один из нескольких.

Мужчина заморгал, как будто этими движениями он пытался прогнать остатки смутения. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но всякое общение казалось пока невозможным. Вместо этого она подхватила его под руку и отвела напрямик в дом.

Полюсом недоступности называют место, находящееся одинаково далеко от всех цивилизованных мест. Например, существует морской полюс недоступности, он же «точка Немо», расположенный в южной части Тихого океана на большем расстоянии от суши, чем любая другая точка в мировом океане.

Но и у каждой страны есть свой полюс недоступности. Шведский находится к юго-востоку от озера Кобтояуре в национальном парке Падьеланта, что в муниципалитете Йокмокк. От этого места импровизированную снежную пещеру, из которой только что выбралась пара, отделяло совсем небольшое расстояние.

Женщина открыла дверь маленького деревянного дома, и сквозняк разметал ее светлые волосы.

Постель была пуста, простыня и одеяло скомканы как попало. На ночном столике на своем месте лежали таблетки. Продолговатая шкатулка для часов была открыта впервые с приезда сюда. Золотистый замочек слабо поблескивал в лучах зимнего солнца, падающих из окна.

Мужчина протиснулся мимо женщины, опустился на пол рядом с крошечным санузлом и съехал, прижавшись спиной к стене и обхватив колени руками. Взгляд устремился куда-то вдаль. На запястье в первый раз за долгое время были надеты часы.

– Прошло больше двух недель, Сэм, – заговорила первой женщина. – И мы еще не в полной безопасности. У меня есть расписание космических спутников, которые могут проходить над нами. В это время нам нельзя выходить на улицу.

Он посмотрел на нее, потом провел рукой по густой бороде, распрямил шею и сказал, не глядя на женщину:

– Это дерьмо должно наконец закончиться.

– Все это время с тобой было не то чтобы легко общаться, Сэм. Ты прекратил принимать лекарства?

Он покачал головой и сказал:

– Молли, черт побери.

Она устроилась рядом с ним. Они сидели так какое-то время: она – на корточках, он – прижавшись к стене. В полной тишине, если не считать гудения батареи отопления.

– По-моему, он вот-вот разрядится, – сказал Сэм Бергер и показал на автомобильный аккумулятор.

– Если не считать спутника, то ты выбрал правильное время, чтобы очнуться. Это вселяет хоть какую-то надежду на будущее.

– Вообще не понимаю, о чем ты.

– Ты прав, – сказала Блум, вставая. – Это твой пятый аккумулятор, и он вот-вот разрядится. Пора немного окунуться в цивилизацию. Только надо помнить, что мы не совсем свободны. Мы прячемся. За нами охотятся. Ты ведь об этом помнишь?

Бергер посмотрел на нее. Она встретила с ним взглядом. В его глазах читались бесчисленные вопросы.

– Слишком много кошмаров и галлюцинаций, – ответил он. – Все время возвращается совершенно холодное лицо. Силь, стало быть, мертва? Убита СЭПО? Задушена чертовым носком, засунутым в горло?

Блум наблюдала за Бергером. Как же он исхудал.

– Надеюсь, что я не перекормила тебя лекарствами, Сэм. Но ты был абсолютно неуправляем. Ты ничего не помнишь?

– Я помню, как мы обезвредили убийцу из далекого прошлого. Помню, что мы освободили несколько заложников. Помню, что нас уволили из полиции. Помню, что мы плавали в лодке по заливу и строили планы на будущее. Дальше мозг отказывает.

Блум наклонилась к сидевшему на полу Бергеру, – рядом с ним была грязная походная газовая плитка, – взяла ее и поставила на стол. Затем подтянула к себе один из шатких стульев и села. Налила воду из пластиковой бутылки в выдавшую виды кастрюльку и зажгла конфорку. Шум плитки заглушил гудение батареи.

– Тебе нужно лучше питаться, – сказала Блум.

– Что это за фигня на мне? – пробормотал Бергер, с трудом поднявшись с пола и посмотрев на себя сверху вниз. – Промокающая красная куртка, грязные флисовые штаны? Я ограбил бездомного?

– Нам пришлось купить одежду по дороге. В магазинах, в которых точно не было камер наблюдения. Это ограничивало выбор. И не надевай больше красную куртку, есть еще одна белая.

Блум достала из кармана своего белого пальто маленький пакетик, слегка встряхнула и показала Бергеру.

– Мясной бульон?

Бергер пожал плечами и сел по другую сторону стола. Блум видела непонимание в его глазах, но оно, наконец-то, было связано с желанием знать. А не бежать от знания.

И бороться.

– Я знаю, что я дико долго прожил в этой убогой лачуге, – сказал он. – Ходил в этот вонючий биотуалет несколько раз в день, пил кипяченую воду из озера, которую потом сменил кипяченный снег, часто в воде был разведен какой-то кошмарный суп из пакетиков. Я ни разу не принимал душ. Это все, что я знаю. Больше ничего. Где мы?

– Я тебя мыла.

Он посмотрел на нее, поморгал. Она продолжала:

– Озеро называется Кобтояуре, оно находится в национальном парке Падьеланта. Я старалась найти место как можно дальше от цивилизации.

– Падьеланта? – воскликнул Бергер. – Лапландия? За полярным кругом?

– Да. Нам пришлось забраться далеко, по-настоящему далеко. Те, кто убил Сильвию Андерссон, судя по всему, эксперты в поиске людей.

– СЭПО.

– Или какая-то организация, так или иначе связанная с СЭПО, да. Ты помнишь, как все было?

– Не очень, – ответил Бергер. – Они убили Силь и оставили сиротой ее пятилетнюю дочь Мойру. И это все моя вина.

– Сильвия была взрослой женщиной, – сказала Блум, заваривая бульон. – К тому же, полицейским. Она была в состоянии принимать собственные решения. Необходимое условие для следующего шага – ты должен перестать себя казнить. И вернуться в форму.

– Я слишком сильно на нее надавил.

– Ты помнишь, почему?

– Файлы СЭПО. Она должна была взломать компьютерную защиту и восстановить несколько удаленных файлов из архива СЭПО.

– И ты помнишь, зачем?

Бергер зажмурился. Блум его не узнавала. Он и впрямь стал другим человеком.

– Это имело отношение к убийце, – выдавил он наконец из себя. – Дело Эллен Савингер.

– Ты готов выслушать меня? Впервые за две с лишним недели?

Он кивнул. Она заговорила:

– Убийца в деле Эллен косвенно работал на СЭПО, в фирме, которая поставляла им технику. Это ты помнишь?

Он снова кивнул. Она продолжила:

– Мы считали это случайностью, пока не поняли, что он работал на СЭПО и напрямую будучи охранником семьи по фамилии Пачачи. И это задание привело к тому, что он сорвался. Ты слушаешь?

– Да, слушаю. Это первая похищенная им девочка. Аиша Пачачи.

– Хорошо, – похвалила Блум. – Нам также удалось установить, кто был его отцом, им оказался норвежский наемник по имени Нильс Гундерсен. Этот Гундерсен уже в семидесятые годы был завербован молодым сотрудником СЭПО Августом Стеном и передавал важнейшую информацию с Ближнего Востока. Ты слушаешь?

Бергер кивнул, нахмутив брови.

– Август Стен. А сейчас он, значит, большая шишка в СЭПО?

– Начальник отдела разведданных, – уточнила Блум. – Это лично он вышвырнул нас с работы.

– Но ничего этого не сохранилось в архиве СЭПО.

– Это явно было удалено оттуда, причем сравнительно недавно. Силь должна была вот добраться до этой информации. Включая загадочное появление в Швеции Али Пачачи, прибывшего с семьей из Ирака во время войны в Персидском заливе. С чего такая секретность? И почему Август Стен, похоже, готов идти по трупам, чтобы сохранить тайну агента Гундерсена?

Бергер кивал, не переставая. Продолжал кивать и сейчас.

– Что случилось? – спросил он. – Как мы здесь оказались?

– Ты ведь помнишь лодку. Мы расслабились, строили планы на будущее. Ты помнишь лодочный домик?

– Да. Лодочный домик я не забуду никогда.

– Мы даже подумывали купить его, начать там собственное дело, стать кем-то вроде частных сыщиков. Вместо этого мы нашли в нем Сильвию Андерссон, мертвую. Изо рта у нее свисал черный носок, как и у одной из предыдущих жертв, выжившей из ума старой женщины, которая в разговоре с нами упомянула имя Нильса Гундерсена.

– Вот черт.

Они молчали какое-то время, пока не стало тяжело дышать от вытесненного прошлого, которое просачивалось обратно.

– С тобой там что-то произошло, Сэм, – сказала наконец Блум. – Ты изменился.

– Обо всем, что случилось после лодки, у меня только обрывочные воспоминания.

– Мы распутали дело, которое отшвырнуло много заслонок и разрушило много крепостных стен, которыми и ты, и я защищались от нашего прошлого. Тебя настигло чувство вины.

Вины передо мной и перед большим количеством девочек. Но мы это преодолели, и в конце тоннеля даже появился какой-то свет. И тут вдруг тебя как кувалдой оглушило чувство вины перед Силь, перед Мойрой. Неудивительно, что тебя это подкосило, Сэм, и все изменилось.

– Подкосило?

– Я не могу подобрать другого слова, – ответила Блум, разливая бульон. – Я спинным мозгом почувствовала, что нам надо оттуда выбираться. Видимо, сказался долгий опыт агента. Единственное, в чем я была уверена: нам нужно скрыться как можно незаметнее. Они оставили там Силь, преследуя какую-то цель. Либо чтобы отправить нас за решетку за убийство, либо в качестве предупреждения, как знак, что мы приговорены к смерти. Они могли бы разделаться тогда же и с нами, мы были легкой добычей в той лодке в заливе. Вот так вот обстоят дела. Мы вляпались в это против собственной воли, из-за чокнутого убийцы, но главным персонажем в этой истории, о чем бы там ни шла речь, был не он. Шла большая игра, и мы оказались в лучшем случае разменными пешками. Нам надо из всего этого выбраться, и я думала только об этом.

– Ты почувствовала спинным мозгом, а меня подкосило?

– Выпей бульона, тебе это пригодится.

Бергер неохотно поднес к губам кружку и отхлебнул горячую смесь. Как обычно, с мясом это, понятное дело, имело очень мало общего. Блум тоже отпила немного и продолжила:

– Тебя действительно подкосило. Образно говоря, кувалда огрела тебя по голове, и ты свалился. Я стояла там, рядом с мертвой Силь и твоим бесчувственным телом, и знала, что они каким-то образом следят за мной. Может быть, я могла бы сбежать, но тогда мне пришлось бы бросить там тебя. Мне надо было быстро привести тебя в чувство, Сэм. К счастью, рана уже зажила.

– Ты что, пырнула меня ножом, чтобы я очнулся?

– Вроде того, да. Нашла эффективную болевую точку. Но ты был совершенно неуправляем. Ты не понимал, что я хочу сделать как лучше для тебя. Лучше для нас. Ты впал в ярость и хотел любой ценой добраться до Августа Стена. Ты собирался обратиться к газетчикам, на телевидение, кричать об этом на улицах и площадях. Мне пришлось тебя утихомирить.

– Дай угадаю. Шприц в шею?

– Ты не должен был снова потерять сознание, но мне надо было контролировать тебя. Я вколола полдозы. Ты стал сговорчивей, это помогло. У тебя кружилась голова, но спорить ты перестал. Мы сбежали через лес. Осины, ты помнишь осины?

– Шелест листьев, – пробормотал Бергер. – Впрочем, тогда они уже опали.

– Я поддерживала тебя, мы шли, спотыкаясь, но выбрались. Я не стала брать нашу машину на парковке у таунхаусов. Мы вышли к нескольким виллам, пробрались в одну из них, нашли ключ от автомобиля.

– Ты это серьезно? И я все это проделывал?

– Нет, я усадила тебя на лестницу в надежде, что никто тебя не заметит и не примет за подозрительного бродягу. С тех пор я пару раз сменила машину. Сейчас у нас вот эта.

Блум помахала перед носом у Бергера ключом. Не узнать марку было невозможно.

– Джип, – кивнул он. – Предположу, что полноприводный?

– Я подумала о том, куда мы направляемся. Мне нельзя было вступать в контакты ни с кем, ни единого раза, это самое главное. Залечь на дно и не вылезать. Держаться в тени. Я вспомнила про эти два дома, несколько лет назад я ходила в поход по горам в этих местах. Сюда никто никогда не забредает, во всяком случае, не в ноябре. С тех пор мы скрываемся здесь. Ни Интернета, ни телефонных разговоров, ни оплат банковской картой, вообще никакого общения с внешним миром. Много размышлений о жизни, уж поверь. И немного катания на лыжах.

Бергер показал на ключ от машины и сказал:

– Так мы, значит, отсюда уезжаем?

– О чем ты говоришь?

– «Выпей бульона, тебе это пригодится». Твои слова.

Блум допила то, что оставалось в чашке, и посмотрела на Бергера. Их взгляды скрестились, как будто каждый оценивал другого самым скрупулезным образом.

В конце концов, Бергер тоже допил свой бульон и спросил:

– Так почему же мне нужно больше энергии, чем обычно?

Блум со стуком поставила свою кружку на стол.

– Потому что у меня для тебя сюрприз.

6

Среда, 18 ноября, 11:14

Пустая, холодная комната, как будто вырубленная в скале и вызывающая клаустрофобию. В кромешной тьме светятся только экраны мониторов.

Мониторов два, один над другим, и они показывают одну и ту же картину, хотя и с разных точек. Масштаб для лучшей видимости установлен с учетом размеров крошечного письменного стола, где джойстиком регулируется угол обзора, приближение и резкость. В данный момент изображение на обоих экранах похоже на фотографии, на которых главным образом виден один только снег. На верхнем экране, впрочем, видны еще и два засыпанных снегом дома, один ближе, другой дальше. На нижнем только тот, что ближе.

Вдруг затишье нарушается. Что-то происходит рядом с дальним домом. Два человека выходят, они очень маленькие, очень далеко.

Рука в тонкой кожаной перчатке привычным жестом увеличивает изображение; даже на таком расстоянии четкость высока. На женщине теплое белое пальто, современные лыжные ботинки, плотно облегающая голову шапка. На босоногом мужчине нет ничего, кроме полотенца, обмотанного вокруг туловища. Женщина показывает ему дорогу за угол дома, протягивает ведро, возвращается из-за угла.

Какое-то время она остается в фокусе.

Потом левая рука приближает изображение мужчины; правая рука, тоже в тонкой кожаной перчатке, делает запись на небольшой клавиатуре под маленьким экраном:

«11:15. # очевидно в сознании; предположительно гигиенические процедуры #; # помогает дистанционно».

Стоящий рядом с домом мужчина снимает полотенце, вешает его на гвоздь в стене. В его темной бороде заметна проседь, он встает прямо, немного медлит, разглядывает ведро.

Потом поднимает его и выливает содержимое себе на голову.

7

Среда, 18 ноября, 11:16

Пробуждение проходит в несколько этапов. Пик бодрствования, как правило, достигается посредством внезапного шока, в первую очередь от холода.

Опрокинув на свое обнаженное тело ведро с водой из растопленного снега, Бергер почувствовал себя, мягко говоря, окончательно очнувшимся. Как по условному знаку, из-за угла дома показался флакон с шампунем. Взамен он протянул пустое ведро, женская рука взяла его и исчезла.

Холод микрометр за микрометром проникал в его намыленное тело – но не в ступни: в них он вгрызался совсем по чуть-чуть, и это ощущалось острее.

Через какое-то время из-за угла снова показалась рука, на сей раз с полным ведром. Бергер быстро вылил воду на голову и вернул его в протянутую руку.

– Еще одно? – раздался голос Блум.

– Если это не будет слишком большой наглостью, – заикаясь, выговорил Бергер.

Снова появилось ведро. Он опрокинул его на себя, схватил висящее на гвозде полотенце и уже начал растираться, но тут вода, стекшая с голеней, стала замерзать, угрожая приморозить его ступни к снежному покрову.

Но Бергер ее опередил. Он за несколько секунд вырвался из ледяного плена, пронесся мимо Блум и вбежал обратно в дом, вытершись наполовину.

– Твоя обычная одежда лежит в сумке, – крикнула снаружи Блум.

Он быстро нашел вещи и натянул их на себя. Все они были до странности привычными, кроме теплых ботинок на толстой подошве – он никогда их раньше не видел, но они пришлось удивительно впору. Выйдя на заснеженную равнину, где стояла абсолютная тишина, он надел поверх белого пуховика белую непродуваемую куртку. Молли Блум ждала снаружи. Окинув Бергера критическим взглядом, она спросила:

– А что мы будем делать с бородой?

– Это зависит от того, чем нам предстоит заниматься, – ответил Бергер.

Она кивнула и пошла по аккуратно расчищенной дорожке, которая вела через холм. Бергер думал, что за ним окажется снежная пустыня, но вместо этого увидел еще один дом, чуть побольше, чем его. Снаружи стояла лопата для уборки снега и больше ничего. Блум открыла дверь и вошла внутрь. Бергер остался стоять в дверном проеме, пока Блум сгребла кое-какие вещи и сунула их в рюкзак.

Бергер огляделся. У самой двери были сложены один на другой несколько автомобильных аккумуляторов, на них лежало множество обычных батареек, вероятно, для ламп. Как и в его доме – конечно, куда более грязном, – здесь была дровяная печь, которой явно не пользовались. Он догадался, несмотря на свое удручающее состояние, что это из-за дыма. Дым и спутники.

Значит, здесь Молли Блум прожила, притаившись, две недели, никак не контактируя с внешним миром и поселив впавшего в безумие напарника в соседний дом, чтобы не путался под ногами, но и не исчезал из поля зрения. Бергер попытался разглядеть следы ее деятельности. Из аккумулятора, стоящего рядом с аккуратно застеленной постелью, шли кабели к трансформатору, из него выходили провода, которые тянулись к ноутбуку на ночном столике и к маленькому принтеру под столиком.

– И никакого подключения к Интернету? – сказал Бергер.

– По минимуму, – парировала Блум. – И очень хорошо защищенное. Это было необходимо.

– Гуглила спутники?

– Да, теперь я знаю, к каким спутникам может получить доступ СЭПО. Они проходят в определенные моменты, я переслала расписание на твой мобильный.

– Ты намерена и дальше держать меня в напряжении?

Блум закинула рюкзак за спину и, проходя мимо Бергера, протянула ему солнцезащитные очки. Дорожка вела дальше через поле, все больше утопая в снегу. Бергер шел следом за Молли, и скоро им пришлось пробираться по глубокому снегу.

– К счастью, намело не так уж много, – сказала она, прокладывая путь. – Но все же отсюда до ближайшей нормальной дороги пятьдесят километров.

Они шли и шли. Солнце светило ледяным светом, который, отражаясь от снега, становился еще холоднее. Очки спасали от снежной слепоты, но рези в глазах не предотвращали.

Бергер, не снимая очков, посмотрел на мобильный, сверился с расписанием спутников. Они проходили три раза в сутки. Однако в ближайшие два часа их не ожидалось.

Местность вокруг была неровная, дикая, холмистая. Ни один автомобиль не проехал бы здесь, даже полноприводный.

– Как, черт возьми, тебе удалось тащить меня здесь всю дорогу? – тяжело дыша, спросил Бергер. – Я совсем ничего не помню.

– Так же, как через лес у Эдсвикена. Инъекция правильной дозы лекарства. Ты мог идти и все. И тогда не было снега, местность выглядела совсем иначе.

Блум сверилась с компасом в телефоне и свернула чуть южнее. Они шли еще какое-то неопределенное время, не произнося ни слова.

Постепенно снежный покров начал исчезать, стало легче идти, они явно добрались до мест, где дули сильные ветры. Стали попадаться деревья, невысокие, изогнутые. Судя по всему, Бергер и Блум добрались до границы леса.

Вдали Бергер увидел нечто, напоминающее укрытие от ветра. Блум уверенно направилась в ту сторону и принялась разгребать снег. Когда она взялась за лопату и начала раскидывать сучья и стволы деревьев, в работу включился и Бергер. Он был не в лучшей физической форме. Впервые в жизни он был поражен собственной слабостью.

– Ты это построила? – спросил он, откидывая ствол карликовой березы.

– На случай, если они и впрямь проверяют записи со спутников, – пояснила Блум. – Хотя вообще-то я в этом сомневаюсь, СЭПО тоже приходится думать о бюджете. И сейчас, как я уже сказала, в горах совсем нет туристов. Но я не хотела рисковать.

Из-под веток проступила задняя часть кузова. Цвета хаки, а как же еще? Интересно, она угнала его из военной части?

Блум уселась на водительское сиденье, без проблем завела машину, дала задний ход. Когда Бергер залез на пассажирское место, Блум рылась в своем рюкзаке. Достав лист бумаги, она протянула его Бергеру.

– Тут поначалу немного ухабисто, – сказала она. – Держись крепче.

– А с этим мне что делать? – спросил Бергер, помахав листом.

– Например, прочитать, – ответила Блум, нажимая на газ.

– «Комиссару Дезире Росенквист»? – воскликнул Бергер и принялся за чтение.

* * *

Когда через несколько десятков километров почти незаметная дорожка начала напоминать настоящую дорогу, Блум остановила машину и поменяла номерные знаки. Вскоре после этого они въехали в деревню.

Летом в Квикйокке начинаются туристические маршруты по национальным паркам Сарек и Падьеланта, но в начале зимы там было пустынно. За все время, пока Блум и Бергер ехали по улицам населенного пункта, самого населения им не встретилось.

Больше пятидесяти километров по тряской дороге через лапландскую глушь должны были бы впечатлить Бергера куда больше. Но нет, и причина была проста: он только что прочитал странный машинописный текст. И даже забыл, что его должно было бы укачать.

Он зачитал вслух:

– «В первый раз я услышала этот звук два месяца назад. Его трудно описать. Как будто кто-то сидит в стене. Звук доносился и не снаружи, и не изнутри, и вряд ли его издавал человек».

Блум посмотрела на него.

– Кто это написал? – спросил Бергер, когда они проезжали указатель, сообщавший, что они приближаются к горной станции Квикйокк.

– И что с ней случилось? – отозвалась Блум и свернула на парковку между несколькими длинными красными домами.

Самые упрямые струйки водопада все еще пробивались через растущий слой льда, но было очевидно, что скоро поток замрет на полгода.

– Ты на полном серьезе отвечаешь на вопрос вопросом? – сказал Бергер. – Это ты дала мне это письмо. Его послали моей бывшей коллеге Ди? С неправильным указанием должности?

– Твой внутренний детектив ушел на пенсию? – спросила Блум. – Да, это машинописный текст, но оригинал ли это? Или вероятнее, что я распечатала его на маленьком принтере, который ты видел в доме?

Бергер наблюдал за напарницей, пока она вылезала из автомобиля.

– Здесь безопасно? – поинтересовался он, показав на стоящие вокруг дома.

– Согласно полученным данным, да. Но придержи пока свои вопросы при себе. И пожалуйста, в ближайшие минуты следи за тем, что говоришь.

– Согласно данным? – переспросил Бергер, но вопрос оказался адресован закрытой двери машины.

Он вышел из джипа. Морозный воздух обжигал дыхательные пути. Чтобы догнать Блум ему пришлось пробежать несколько шагов. Это на удивление бодрило. Они подошли к лестнице, ведущей в нечто вроде помещения под крышей, на втором этаже длинного красного дома. По-прежнему не появилось ни одного человека, как будто вся вселенная просто-напросто замерзла. Блум подошла к двери и постучала. Пока они ждали, что им откроют, она обернулась к Бергеру и сказала:

– Надеюсь, у тебя крепкое сердце.

Бергер уставился на нее с непонимающим видом.

Дверь открылась. Его взгляд упал на женщину с темными волосами и пронизательными карими глазами. Слегка поморщившись, она жестом, словно нехотя, предложила им войти.

Блум зашла в дом, Бергер нет. Вот теперь его ноги действительно примерзли к земле, как будто дождавшись такой возможности.

– Ди? – неуверенно пробормотал он.

– Ну да, – ответила темноволосая женщина. – Заходи же, пока кто-нибудь не увидел эту бороду и не позвонил в полицию.

– Что ты, черт побери, делаешь в Йокмокке?

– Проходи в дом, – терпеливо повторила Дезире Росенквист, как будто это было что-то для нее очень привычное.

Она резким жестом указала на два стула, стоящих около очень маленького письменного стола. На нем лежал бинокль, три папки разной толщины и машинописное письмо, сильно напоминающее то, которое Бергер держал в руке. Ди села напротив них и вперила взгляд в бывшего напарника.

– Разумеется, я здесь не случайно, – сказала она. – Мы решили, что это самое удобное место для встречи.

– Мы? – переспросил Бергер и посмотрел в окно на пустынные горы. – Удобное?

– Одна нога здесь, другая там, – загадочно ответила Ди. – Выходной день после воскресной встречи с руководством Национального оперативного отдела. Самолет до Кируны, потом арендованная машина, вечером обратный рейс. А вот что *вы* здесь, черт побери, делаете?

Бергер встретился с ней взглядом; он чувствовал, что в его глазах была пустота.

– Даже если я и понимаю все сказанные тобой слова, Ди, мне не за что ухватиться. Разве что за слово «черт», его я могу соотнести с реальностью.

Ди помолчала, посмотрела на него и наконец сказала:

– Тебя уволили, как я и предсказывала. Ты исчез сразу после трагической смерти Силь. Через несколько дней я отправила эсэмэску на твой личный мобильный. Получила ответ от Блум. Какое-то время я над ним размышляла.

Бергер смотрел на открывавшиеся в окне виды. В данную минуту они были понятны ему больше, чем все остальное.

– Опять возникает слишком много вопросов, – сказал он. – Я не врубаюсь.

– Насколько я поняла, ты провел, ни во что не врубаясь, уже немало времени. Насколько я поняла, вы со всех ног бросились инвестировать свои выходные пособия в частный сектор. Насколько я поняла, было крайне маловероятно, что ты сможешь прийти на эту встречу.

– Я не знал об этой встрече.

– Но ты получил машинописный текст?

– Только что прочитал, да. Кто его написал?

– Это второстепенно. Важнее, не споткнулся ли ты в нем обо что-то.

– Еще как, разумеется. Автор жива?

– С ней все в порядке, – сказала Ди. – Письмо было написано пару недель назад, и она позвонила с лестницы, ведущей в подвал. Йокмокская полиция приехала к ней приблизительно через час. Не было никаких признаков присутствия там посторонних. И совершенно определенно никаких короедов.

– Но потом она отправила недописанное письмо прямо тебе? – спросил Бергер. – И назвала тебя комиссаром?

– Я и есть комиссар. Получила назначение в НОО.

– Национальный оперативный отдел? Но как это произошло?

– Наша группа ведь развалилась. Аллан ушел на пенсию, у Силь случился инсульт...

– Инсульт? – воскликнул Бергер и почувствовал, как рука Блум сжала его бедро; это заставило его придержать язык.

– Да? – Ди внимательно посмотрела на него.

– Я просто не знал причину смерти, – пробормотал Бергер.

– И на похороны не пришел... Какого черта вас занесло сюда на север? Вы прячетесь? Занимаетесь любовью в каком-нибудь иглу?

Блум опередила Бергера:

– Мы решили в тишине и покое обсудить будущее, открывающееся перед нами по завершении карьеры полицейского. Наши отношения строго профессиональные.

Ди посмотрела на нее, покачала головой и демонстративно повернулась к Бергеру.

– В НОО появилась вакансия, вступить в должность надо было немедленно, и я подала заявление и получила место.

– Поздравляю, – сказал Бергер.

– И первое, что свалилось там на меня – это Йессика Юнссон из Порьюса. Как она сама пишет, известная сутяжница. Все в НОО только покачали головами, когда я показала им письмо. И посоветовали мне сжечь это дерьмо.

– Но ты не сожгла?

– И ты, Сэм, конечно, понимаешь, почему?

Бергер наморщил нос, но ничего не сказал.

– Если это письмо адресовано мне, – сказала Ди, – значит, оно адресовано и тебе, не так ли?

– Я вижу только уйму теорий заговора, – отозвалась Блум.

Взгляды Бергера и Ди скрестились. Они долго не сводили друг с друга глаз, потом Ди продолжила мысль:

– Да, Йессика Юнссон погрязла в теориях заговора. Но одно имя там выпирает, да, Сэм?

– Карл Хедблум, – пробормотал Бергер.

– Здесь написано: «Что рисунок ручкой на бедре Лизы Видстранд даже упоминался в местных газетах, но полиция махнула на это рукой и не изменила мнения о вине Карла Хедблума».

– Наше первое общее дело, Ди.

– Отвратительный случай. Он меня задел. Глубоко. И хотя прошло уже восемь лет, я помню все, как вчера. После него было много бессонных ночей.

– Ты думаешь, она послала письмо именно тебе только из-за Карла Хедблума?

– Не вижу другой причины. Если его вообще послала она.

– О, – сказала Блум.

Бергер и Ди перевели взгляды на нее.

– Я не помнила имени Хедблум, – пояснила она. – Это ведь было двойное убийство? Матери с младенцем?

– Нас прикомандировали к тогдашней Государственной уголовной полиции, – сказал Ди. – На окраине Орсы в небольшом овраге были найдены изуродованные останки Хелены Граден, тридцати пяти лет, и ее сына Расмуса, четырнадцати месяцев от роду. Ребенок находился в своей коляске, по крайней мере, частично. Что это было за убийство? Было ли это в первую очередь убийством ребенка или женщины? Следователи рвали на себе волосы, там перевернули каждый камешек. Было больно на это все смотреть. Долгое время главным подозреваемым был муж и отец Эммануэль Граден, хоть он и разрывался от горя. И только когда руководство посмотрело на дело под другим углом и начало мыслить нестандартно, дело сдвинулось. Убийца охотился не на детей и не на женщин, а на матерей. Он убивал матерей и сыновей. Потребовалось много психологических экспертиз, чтобы исключить невиновных и ограничить поиски. Наконец нашли мужчину с очень серьезными психическими отклонениями, который именно тем летом несколько недель провел недалеко от Орсы вместе с группой других пациентов. Его звали Карл Хедблум, ему было двадцать четыре года, и у него было ужасное детство. Его мать была сущей дьяволицей. Хелена и Расмус Граден были найдены только через два дня после исчезновения. Карл Хедблум в целом мог приходить и уходить когда угодно. И посреди леса между местом, где нашли тела, и местом, где жила группа пациентов, в конце концов, была найдена недавно построенная хижина со следами крови внутри. Там была ДНК Хедблума.

Блум кивнула, хотя брови были нахмурены.

– Но это же один из наиболее очевидных преступников в истории шведской юриспруденции? – сказала она. – Суд прошел неслыханно быстро, принимая во внимание огромное количество собранного материала.

– Эта тема, конечно, не обсуждается, поскольку Йессика Юнссон всем известная сутяжница, – сказала Ди. – Однако это не главная причина. Прежде всего, эта тема является табу, потому что поимка Карла Хедблума увенчала карьеры многих полицейских, в том числе нашего Аллана Гудмундссона. Понадобилось бы немало сил, чтобы вернуть его домой с турнира по бриджу на Таити.

– Турнир по бриджу? – воскликнул Бергер.

– А ты не знал, что Аллан и его жена входят в элиту шведского бриджа? Выйдя на пенсию, они ездят по всему миру и играют.

– Ничего себе! – поразился Бергер.

Блум развела руками и спросила:

– Но почему мимолетное упоминание, сделанное вскользь в письме сутяжницы, должно повлечь за собой нечто катастрофическое?

– Был один момент, которого расследование не объяснило, – ответил Бергер. – Он так и остался под вопросом, полиция не разглашала его, и в конце концов он отошел на второй план. Небольшой рисунок ручкой на левом бедре Хелены Граден.

– Я никогда не слышала имени Лизы Видстранд, которую Йессика Юнссон упоминает в своем письме, – сказал Ди. – Оказалось, что она была проституткой из Гётеборга, которую жестоко убил неизвестный клиент. Дело осталось нераскрытым, но я видела фотографии. У нее на левом бедре действительно был рисунок ручкой.

– И что это за рисунок? – спросила Блум. – И как случилось, что полиция проморгала наличие связи между этими делами?

Ди развела руками и сказала:

– Убийства проституток случаются чаще, чем можно предположить, и СМИ нередко упускают их из виду. К сожалению, это не приоритетное направление в работе полиции.

– Это был очень старательно нарисованный четырехлистный клевер, – сказал Бергер.

Наступила тишина. Они смотрели друг на друга. Внимательно.

– Йессика Юнссон адресовала письмо в НОО и написала «комиссару Дезире Росенквист». Я стала комиссаром незадолго до того, как она отправила письмо. Она каким-то образом следила за мной. Вероятно, она знает, что я участвовала в расследовании дела Граден. Велика вероятность, что всем своим письмом она хотела сказать именно это: Карл Хедблум, возможно, невиновен. И она хотела сказать это именно мне. Почему?

Бергер кивнул и спросил:

– И почему ты сидишь здесь на тайной встрече с парой уволенных сыскарей, которые, как ты думаешь, *прячутся*?

– От руководства НОО поступила директива: никто не должен связываться с Йессикой Юнссон. Она типичная пария. Другими словами, я не могу заняться этим сама. К тому же, мне кажется, она поговорит с тобой так же охотно, как со мной. Ей что-то известно. Я хочу, чтобы вы ее допросили, абсолютно неофициально. Мне хочется понять, стоит ли пытаться возобновить расследование закрытого дела, учитывая, какого труда это будет стоить и сколько страданий повлечет за собой.

– И вы двое, стало быть, об этом договорились? – спросил Бергер. – Не знаю, достаточно ли я здоров для того, чтобы играть в частного детектива.

Ди подвинула им три папки, лежавшая слева была заметно толще двух других.

– Дело Граден, – сказала Ди, хлопнув по папке ладонью. – Дело Видстранд. И досье на Йессику Юнссон. Вы отправитесь туда как представители НОО, сошлитесь только на меня и ни на кого другого. У вас будут фальшивые удостоверения и визитки. Все это совершенно не официально, я буду отрицать, что была в курсе, если вы провалите это дело. Я уже позвонила Йессике Юнссон и сообщила, что вы приедете. У нее должно создаться впечатление, что вы расследуете историю о таинственном мужчине, который, как она утверждает, охотится за ней. На самом же деле вы должны выяснить, что ей известно об убийствах Хелены Граден, Расмуса Градена и Лизы Видстранд.

Бергер повернулся к Блум. Она медленно кивнула.

– И где находится этот чертов Порьюс? – спросил Бергер.

– Неподалеку, – ответила Ди и встала из-за стола.

Потом она протянула им массивный спутниковый телефон.

8

Среда, 18 ноября, 14:08

В Лапландии «неподалеку» никоим образом не означает «близко». Наоборот, в этом выражении скрыта присущая местным жителям самоирония.

По сравнению с дорогой по пересеченной местности от полюса недоступности дорога из Квикйокка до Вайкияура была в очень хорошем состоянии. Когда солнце скрылось за горами в кипящем разноцветном вареве и стрелки на часах как раз показали два часа пополудни, Блум и Бергер почти добрались до самого длинного шоссе Европы.

Европейские автомобильные маршруты пересекают континент вдоль и поперек, но ни один из них не тянется так далеко и так прямо с севера на юг, как Е45. Его протяженность почти 5000 километров, он начинается в Джеле на южном берегу Сицилии и заканчивается в Каресуандо, самом северном населенном пункте Швеции. От южной оконечности Европы

до северной. На севере Швеции это шоссе называют Внутренней дорогой. Из Вайкияура в Лапландии она ведет на север, в Порьюс.

Всю дорогу от Квикйокка в джипе царило молчание. По обе стороны от рычага коробки передач происходила обработка информации.

– Значит, ты не знала? – спросил наконец Бергер.

– Я знала, что Росенквист что-то от тебя нужно. Но что конкретно – нет.

– А Ди, стало быть, отправила сообщение на мой частный запасной мобильник? Со своего, надо думать? Две анонимных сим-карты в бесконечном киберкосмосе. Что именно она написала?

– «Как дела? Никак не могу разыскать тебя. Важно».

– «Важно»?

– Поэтому я и ответила. Коротко. Как будто ты не хотел, чтобы тебя беспокоили.

– То есть в Копрояме мобильные ловят сеть?

– В Кобтояуре. Вообще-то, нет. Но при определенных атмосферных условиях сигнал может пробиться, если человек стоит в правильном месте. Росенквист попросила меня отправить мейл на адрес, который выглядел как неофициальный. Я пошла в правильное место и смогла подключиться к Сети. Я призналась, что это я ей пишу, издалека. Написала, что ты временно вышел из игры – сослалась на желудочно-кишечную инфекцию. Потом получила в ответ это машинописное письмо. Когда она спросила меня, не находимся ли мы случайно на севере, я заподозрила неладное. СЭПО ведь могло добраться и до нее. Но она объяснила, что к чему, а я как могла попыталась выяснить, насколько это правда. И ответила, что мы могли бы найти время для встречи. Я назначила встречу в Квикйокке как на своего рода нейтральной территории между нами и Порьюсом.

– Полагаю, имя Йессики Юнссон фигурировало в мейле? Ты проверила, кто она?

– Неприкасаемая, изгой, как и сказала Росенквист. Годами засыпает полицию письмами. Одна из тех, кого шлют куда подальше. Из тех, кого не выносят.

– Я прочитал письмо еще раз. Наша Йессика действительно во тьме.

– С большой буквы и все такое. Расскажи о Хелене Граден.

Бергер уставился в кромешную тьму, уже царившую за окном.

– Я пытался от этого избавиться, – произнес он наконец.

– Тяжело?

– Там было видео...

В джипе повисла тишина. Прошло полминуты, прежде чем Бергер продолжил:

– Первые шаги Расмуса, которому было год и два месяца. Хелена Граден так радовалась, так смеялась, что и Расмус начал смеяться. Этот смех преследует меня. Смех матери и ребенка, сплетающийся в какую-то само собой разумеющуюся... ткань жизни. Я не могу это как следует объяснить. Это цепляло. А через неделю они оба были мертвы. Жестоко убиты.

Блум какое-то время молчала. Потом бросила на него быстрый взгляд и сказала:

– Мы можем повернуть, если хочешь.

– Нет, – решительно ответил Бергер. – Я ассистировал Аллану во время решающего допроса Карла Хедблума. Аллан в то время работал жестко, он вытащил на свет все худшее, что было в Карле, который оказался и безумен, и склонен к насилию. Глубоко ненавидел матерей. Было огромной ошибкой разрешить ему жить в приюте почти без наблюдения, еще большей ошибкой – позволить ему поехать с другими пациентами на экскурсию. Его психическое состояние оценили совершенно неверно, и один главврач в результате вылетел с работы. Но все же в самом преступлении было что-то, перед чем Карл совершенно пасовал. Аллан жестко на него надавливал, и все время все сходилось, пока не зашла речь о тех двух днях в хижине.

– И что же случилось? – спросила Блум.

– Карл Хедблум признался. Ни капли не колеблясь. Но рассказать, как все происходило, ему толком не удалось. Поскольку вещественные доказательства были неопровержимы, суд решил, что Карл находился в состоянии психоза и просто не помнил никаких подробностей.

– И ты тоже был уверен в его виновности?

– Да, тогда был. В целом.

– Хедблум упоминал рисунок ручкой?

– Он сознался, что сделал его, и больше это не обсуждалось. По сравнению с остальным маленький рисунок на бедре казался сущим пустяком.

– Надеюсь, ты расскажешь мне и все остальное...

– Или я расскажу, или вот здесь все прочитаешь, – сказал Бергер, приподняв папки.

Из бумаг выпали две визитных карточки, Бергер взял их с колен, ему удалось сфокусировать взгляд на тексте. Его лицо скривилось от отвращения.

– Приехали, – сказала Блум.

Фары джипа на мгновение выхватили из темноты фасад дома метрах в пятидесяти от них. Блум вытащила ключ из зажигания, и остался только очень бледный свет. Он струился с террасы над лестницей, ведущей в безликий старый дом на плоскогорье посреди дикой природы. Никаких других огней не было видно, даже звезды не светили, не говоря уж о луне.

Блум вышла из машины, Бергер следом. Рядом с парковочным местом угадывалась стена гаража, с другой стороны их автомобиля едва виднелась ведущая к дому дорожка. Блум осветила ее карманным фонариком. Снежный покров был глубоким и совершенно нетронутым. Не было никаких сомнений, что преследователь оставил бы четкие следы.

Они поднялись по скользкой лестнице, позвонили в дверь. Бергер обернулся и бросил взгляд со слабо освещенной террасы в леденящую лапландскую ночь. На часах не позже трех часов дня, а темно, хоть глаз выколи. Он попытался удержаться в сегодняшнем дне, но тьма неумолимо влекла его к оврагу в Орсе.

Детская коляска. Рука матери все еще держится за нее вопреки всему. Кровь.

Бергер не видел места, где были найдены тела. Не тогда. Он видел фотографии. Сделанные крупным планом, неотступно преследующие его фотографии. Он видел место преступления, но позже, когда там уже не было тел. Это оказалось еще хуже, воображение дополнило картину.

Резко распахнувшаяся дверь выдернула его из темных глубин памяти. Появившаяся в дверном проеме женщина не произвела на него особого впечатления и успела повернуться спиной до того, как Бергер рассмотрел ее как следует. Он заметил только толстый вязаный свитер и в тон к нему толстые носки из грубой шерсти.

Гости и хозяйка расселись вокруг темного стола в полумраке гостиной. Бергер положил перед собой мобильный телефон экраном вниз и рассеянно вертел свою чашку с чаем, поглядывая вбок, где виднелась спальня. Он заметил письменный стол со стоящей на нем старой печатной машинкой.

– Будете рассказывать о короедах? – спросила женщина и зажгла две свечи.

В это мгновение Бергеру впервые удалось рассмотреть Йессику Юнссон. Свечи осветили ее бледное лицо. Ей было между тридцатью и сорока годами, и во всем ее облике было что-то нервное. Без макияжа, темные волосы, довольно короткая стрижка, внимательные голубые глаза, несмотря на блуждающий взгляд.

– Никаких короедов, – сказала Блум.

– За это отдельное спасибо, инспектор Лундстрём.

– А что случилось в тот момент, когда вы закончили писать? – спросил Бергер. – Вы оборвали письмо на полуслове.

– Не понимаю...

– Ну как же. Вот последняя фраза вашего письма: «И как только слабое пламя свечи гаснет, я слышу». И всё. Потом вы отправили его в полицию, так и не закончив. Почему?

Йессика Юнссон предпочла рассмотреть визитную карточку, а не собеседника.

– А вы, значит, инспектор Линдберг? – сказала она. – И на конце h?² А что означает Ч? «Ч. Линдберг»?

– Ответьте на мой вопрос. Что вы услышали, когда холодный ветер пронесся по спальне? И когда погасла свеча.

– Распахнулась входная дверь, – ответила Йессика Юнссон и в первый раз посмотрела на Бергера. Взгляд казался открытым, но только казался.

– И что вы сделали?

– Побежала к двери подвала и бросилась вниз. Позвонила в полицию с ведущей в подвал лестницы. Я не хотела идти туда, я не заходила в подвал уже пару лет.

– Если человек предполагает, что безумный убийца только что пробрался в дом через входную дверь, может быть, инстинкт подсказывает спрятаться?

– Я не рассуждала рационально. Сожалею. И мобильная связь должна быть лучше на лестнице.

– И это уже была рациональная мысль?

– Чисто инстинктивно. Я не понимала, что мыслю рационально.

Бергер кивнул и внимательно посмотрел на женщину. Работая полицейским, он научился правильно оценивать людей. Вряд ли эта способность могла исчезнуть за пару недель. Но оценить Йессику Юнссон было нелегко. В ней отсутствовало маниакальное безумие, которое светилося в глазах параноиков. С другой стороны, не заметно было и ясного светящегося разума, который излучала сидящая рядом с ним Молли Блум. Скорее, это был взгляд из берлоги, апатичный и нервный одновременно, а в уголках рта играла странная легкая улыбка. Бергер заметил, что и Блум изучает Юнссон. Интересно, ей так же трудно составить четкое представление, как и ему?

– Как долго вы просидели на лестнице в подвал? – спросил он.

– Пока не приехала полиция.

– И все это время вы ничего не слышали?

– Я слышала котел.

– Котел?

– Отопительный котел, – пояснила Йессика Юнссон. – Он гудит. Мне не нравится этот звук. Поэтому я перестала пользоваться подвалом.

– А наверху ничего?

– Как я и сказала полицейским: ничего. Я заперла дверь подвала и нашла возле лестницы старый пожарный топор. Я так судорожно его сжимала, что им пришлось отгибать мне палец за пальцем, чтобы я его выпустила из рук.

– То есть вы ни на секунду не поднимались наверх, пока не приехала полиция?

– Нет. Они крикнули: «Это полиция. Йессика, где вы?»

– Они казались обеспокоенными?

– Нет. Я знаю, что они думают обо мне. Одно из первых слов, которое я услышала, было «паразиты».

– И письмо по-прежнему было в печатной машинке?

– Да, они не обратили на него внимания. Когда они ушли, мне пришло в голову, что надо его отправить. Чтобы вы поняли, каково мне. Чтобы сюда прислали какого-нибудь другого полицейского, а не этих жалких йокмокских горе-сыщиков.

² Непроизносимая в данном случае согласная. (Прим. пер.)

– И вы своего добились, – сказал Бергер. – И можете все рассказать. Почему вы адресовали письмо именно комиссару Дезире Росенквист?

– Я видела ее по телевизору несколько недель назад. В Стокгольме раскрыли дело о каких-то похищениях людей. Эллен как там ее? У комиссара брали интервью. Она производила хорошее впечатление. Когда я позже попыталась ее разыскать, оказалось, что она комиссар в НОО. Я подумала, что она, возможно, отнесется ко мне серьезнее, чем местная полиция.

Бергер кивнул и сказал:

– За вами, конечно, не может следить незнакомый мужчина. Ведь вы знаете, кто он? Почему вы не хотите об этом рассказать?

Йессика Юнссон посмотрела на него. Да, во взгляде, когда он переставал бегать, была ясность, но и что-то еще. Страх? Как будто она знает, кто ее преследует?

– Но я правда не знаю, – сказала она.

Бергер откинулся на спинку стула и умолк. Он надеялся, что Блум поймет знак и перехватит инициативу. Так и случилось.

– Вы предпочли поселиться в очень уединенном месте, Йессика, – сказала она. – Насколько я понимаю, у вас нет ни работы, ни мужа, ни детей. Вы от чего-то бежали?

– Я просто хочу покоя, – пробормотала Юнссон.

– Покоя от чего? Вы переехали сюда, чтобы от кого-то спрятаться?

– От людей в целом. Я хочу, как я уже сказала, чтобы меня оставили в покое.

Блум внимательно посмотрела на нее. Бергер видел это, следил за ее взглядом. Он взглянул на мобильный телефон: запись, кажется, шла своим чередом.

– Вы родом из Стокгольма, Йессика, – сказала Блум. – Выросли в Рогсведе, но в вашем личном деле полно пробелов.

– А с чего у вас вообще есть мое личное дело? Меня вроде ни в чем не обвиняют.

– Мы стараемся не упускать из виду людей, которые обращаются в полицию намного чаще других, – ответила Блум. – А если на человека падает подозрение в совершении преступления, нам приходится изучить его личность подробнее.

– Подозрение в совершении преступления?

– Соккрытие доказательств, – пояснила Блум и повернулась к Бергеру.

Он кивнул с серьезным видом и продолжил:

– Да, я думаю, нам придется поглубже покопаться в прошлом Йесики Юнссон. Это ведь там мы найдем паразитов.

Взгляд Йесики Юнссон скользнул на Бергера. Он посмотрел ей в глаза. Никто так не любит поговорить, как сутяжники, это почти закон природы. Они хотят любой ценой проговорить все те подлинные факты, о которых умалчивают власть предержащие. Но Юнссон вела себя сдержанно, не произнесла ни одного лишнего слова. И все же это она подняла шум на всю страну, чтобы заполучить сюда полицейских не из этого района.

Чтобы заполучить Ди.

А теперь она почти ничего не говорит.

Почему?

– Как вы думаете, кто следит за вами? – спросил Бергер.

Йессика Юнссон только мрачно покачала головой. Бергер пытался уловить каждое малейшее движение, постоянное перебегание глазами с одного на другое, произнесенные слова. Между написанным ею текстом и ее поведением что-то не сходилось. Между ее параноидальным нравом и ее взглядом.

Ему надо внимательнее изучить этот блуждающий взгляд.

Он вспомнил другой вопрос, жизненно важный вопрос непонятной женщины по имени Натали Фреден. Он бросил взгляд на Молли Блум. В этот раз она встретила с ним глазами и кивнула, едва заметно.

Бергер кивнул куда заметнее, выключил запись на телефоне и положил его во внутренний карман старого пиджака. Потом встал и сказал:

– Думаю, нам стоит провести чуть более формальный допрос, с видеозаписью и хорошим светом. Мы можем сделать это в полицейском участке в Йокмокке, если хотите. Это же в принципе неподалеку.

Йессика Юнссон молча смотрела на него.

– А можем сделать это здесь, – продолжил Бергер. – Тогда вы избавитесь от нас намного быстрее. Вам решать, Йессика.

– Здесь, – ответила Юнссон.

– Прекрасно, – сказал Бергер. – Мы поставим здесь пару ламп и все такое. Но сначала осмотр дома.

– Осмотр дома?

– Вы покажете нам весь дом и территорию вокруг. Могу предположить, что йокмоккская полиция не стала себя этим утруждать?

Йессика Юнссон поднялась и бросила на него пустой взгляд. Во второй раз за короткое время он пожалел, что не записал это все на видео.

Она провела их на второй этаж. Там было мало интересного. Блум все время держала в руке телефон и делала снимки. Бергер заглянул в чулан. Фонарик, который Блум перед побегом прихватила с собой, не осветил ничего кроме пыли. Пылинки отреагировали на сквозняк, не воспринимаемый человеческими органами чувств, и покружились немного, пока не вернулись на четыре древних чемодана, скорее даже дорожных сундука вроде тех, с которыми эмигранты тащились по американским прериям на замученных лошадях.

– Они стояли здесь, когда я въехала, – пояснила Йессика Юнссон.

– И вы не посмотрели, что в них?

Она помотала головой. Они двинулись дальше. Две спальни, в каждой по еще одному чулану под нижней частью ската крыши. В первой спальне стояла единственная незастеленная кровать, и рейки днища напоминали ребра. Во второй в чулане было пыльно, но пусто, зато кровать и кресло были накрыты белыми простынями, напоминающими чехлы, которыми семьи богатых торговцев укрывали мебель, уезжая из своих летних усадеб на зиму.

– Это вы застелили? – спросил Бергер.

Йессика Юнссон покачала головой. Но Бергер не отступал. Он выжидающе смотрел на нее, освещая ее безжалостным светом фонарика.

– Все было так, когда я переехала сюда, – наконец ответила Юнссон. – Я только несколько раз постирала покрывала, и всё.

Они вышли из спальни. Бергер задержался на мгновение, провел пальцем по белой ткани, укрывавшей диван. Потом все вернулись к лестнице, возле которой стояла софа с креслами, на которых, кажется, никто не сидел с начала века. Спустившись по лестнице, они прошли на кухню. Там было чисто, мебель не новая, но опрятная. Бергер заметил, что Блум украдкой провела пальцем по поверхности стола.

Кроме этого, на первом этаже находилась большая гостиная, куда выходила лестница, деля комнату на три части: передняя, где холл переходил в подобие прихожей, там стояли три стула; открытая часть, в которой висел маленький телевизор и стоял диван; обеденная зона, куда они прошли в начале визита, чтобы допросить хозяйку. Наконец, они добрались до спальни. Бергер рассмотрел печатную машинку и бросил взгляд на кровать, которая была застелена ровно и аккуратно, как он и предполагал.

– Подвал, – сказал он.

– Это обязательно? – спросила Йессика Юнссон.

– Да, – ответила Молли Блум и разблокировала свой мобильный. – Мы пойдем с вами, не бойтесь.

Юнссон подвела их к покрашенной в белый цвет двери, из которой торчал старый ключ. Она повернула его и настороженно и даже немного радостно посмотрела на своих спутников. Улыбнулась своей странной, едва заметной улыбкой и распахнула дверь.

– На самом деле я не такая уж трусиха, – сказала она.

Внизу царил тьма, которая словно рвалась наружу. Бергер увидел, как Блум сделала шаг в сторону, будто давая темноте дорогу. С первых шагов вниз по лестнице они почувствовали запах запустения.

Блум включила свой мощный фонарик, осветила ступени и пропустила вперед остальных. Потом закрепила на перилах телефон.

Они сделали еще шаг вперед.

9

Среда, 18 ноября, 21:44

Сначала все немного дергается. Белая дверь со старым ключом. Рука, которая его поворачивает.

Потом темнота, бездонная темнота. Яркий свет фонарика выхватывает из нее ступени, одну за другой. По обе стороны лестницы виден большой подвал, который не удается разглядеть целиком. Все по-прежнему дергается.

Затем изображение стабилизируется, застывает. Правый угол вдруг оказывается закрыт чем-то темным, наверное, балкой, параллельной лестнице. Теперь картинка совершенно неподвижна.

Появляется женская спина, она движется вниз по лестнице. Еще один силуэт, мужской, и вторая женщина, блондинка с длинными волосами. У нее в руках фонарик. На полпути она оборачивается и смотрит вверх, как будто хочет убедиться, что всё на месте.

Все останавливается внизу, расстояние до них увеличилось. Но не между ними. Они держатся вместе, как притянутые магнитом. Проносятся неслышные слова, единственный звук, который доносится из динамика, – это гудение старого жидкотопливного котла. Зажигается второй фонарик. Конусы света разбегаются по подвальному помещению.

Первая женщина, с темными волосами, идет с мужчиной, который только что зажег фонарь. Второй луч света движется отдельно, вправо. Светловолосая женщина редко попадает в кадр. Когда это иногда случается, видно, что она переворачивает какой-то хлам: древнюю садовую мебель, ржавые велосипеды, множество крышек, изгрызенный молью брезент, скрывающий непонятные предметы.

Мужчина и женщина слева исчезли с экрана; время от времени мелькает свет фонаря, и больше ничего особенного не видно. Но вот они снова появляются в кадре и идут к двери, из-за которой доносится гудение. Останавливаются рядом с ней. Темноволосая женщина жестом подзывает блондинку, мужчина тоже ей машет. Иногда голоса перекрывают глухое гудение котла.

Мужчина тянется к ручке двери. Но не успевает взяться за нее.

Он не дотягивается до ручки.

Вдруг дверь резко распахнулась, и гудение котла сразу становится намного громче. Дверь ударяет мужчину по голове, и он падает на спину. Блондинка замахивается фонарем, как будто для удара, луч света скользит по потолку, но она опаздывает и получает удар в висок чем-то похожим на полено. Мужчина, пошатываясь, поднимается и получает тем же поленом прямо по голове. И валится на пол.

Только теперь из непроницаемой темноты котельной появляется фигура. Высокий, похожий на тень силуэт, словно на призрак. Котел гудит, так что не слышно никаких голосов, все напоминает пантомиму, немой фильм, все движения странно угловаты.

Фигура наносит еще один удар поленом лежащему мужчине и поворачивается к светло-волосой женщине, которая стоит на коленях, согнувшись. Он бьет ее по затылку, и она, рухнув на пол, остается лежать без движения.

Быстро окинув взглядом обоих упавших, фигура достает что-то из кармана. Темноволосая женщина стоит, закрыв лицо руками, фигура тянет ее в сторону и быстро привязывает за руки к перилам кабельной стяжкой. Она опускается на колени, поднятые руки закрывают лицо.

Фигура оттаскивает к правой стене упавшего мужчину и привязывает его запястья к батарее. Потом то же самое проделывает с блондинкой. Они остаются сидеть около разных батарей, в пяти метрах друг от друга, после чего внимание фигуры переключается на темноволосую женщину у лестницы. Достав большой охотничий нож, фигура бросается к ней. В первый раз голос заглушает шум котла: в подвале раздается пронзительный женский крик.

Фигура приближается, поднимает нож и замахивается на женщину. Перерезает стяжку, хватает женщину и несет брыкающуюся жертву вверх по лестнице. Проходя мимо камеры, фигура попадает в кадр, освещенная слабым светом, который падает сверху через дверь подвала. Становится видно лицо. Но только это не лицо.

Это черная маска грабителя, и она возникает в кадре, может быть, всего на полсекунды. Потом слышно, как захлопывается дверь, и изображение превращается в непонятное мелькание. Затем все замирает, и в поле видимости камеры остается только нечто, напоминающее угол очень слабо освещенного пластикового пакета.

Металлический женский голос заглушает шум отопительного котла:

– Это всё?

– Камера упала, – отвечает более естественно звучащий женский голос.

– А Йессика Юнссон? Что с ней?

– Следы крови в доме и на снегу, следы колес и открытая дверь гаража. Слишком много крови, чтобы допустить, что она жива. Просто-таки кровавая баня. Все говорит о том, что этот сумасшедший убил ее и уехал с трюмом.

Только когда металлический женский голос в трубке спутникового телефона перешел в протяжный стон, Бергер окончательно признал Ди. Телефон стоял на обеденном столе, за которым они сидели несколько часов назад, пытаясь допросить Йессику Юнссон. Бергер отнял салфетку от головы и посмотрел на пятна крови, одни из которых подсохли больше, другие меньше. У него возникло ощущение дежавю.

Блум сидела по другую сторону стола и прижимала к голове такую же салфетку, а к уху трубку.

– Вы должны были, черт возьми, только съездить туда и допросить ее, – крикнула Ди. – А вместо этого вы впутываете меня в какую-то дьявольщину.

– Он напал на нас, Дезире, – сказала Блум. – Мы были совершенно к этому не готовы.

Какое-то время стояла тишина. Бергеру казалось, что даже на расстоянии он слышит, как Ди проглатывает целый десяток слов сразу. Наконец, она произнесла:

– Итак, вы пошли в темный подвал уединенного дома, хозяйка которого утверждала, что ее преследуют, и были *совершенно не готовы*?

Молчание казалось в этот момент третьим человеком в комнате, крайне назойливым персонажем.

– В записи больше ничего нет? – спросила Ди после паузы.

– Она длится еще десять минут, – ответила Блум. – Пока у мобильного не разрядилась батарейка. Там виден только пластиковый пакет, лежащий возле лестницы. Я пришла в себя раньше Сэма, пролежав без сознания почти три часа. Потом я еще двадцать минут перегрызала стяжки. В конце концов, мне удалось освободиться, добраться до Сэма и привести его в чувство.

Бергер осмотрелся в полумраке. Дом стал совсем другим. Мир стал другим. Ди сказала:

– А вы уверены, что в доме никого не осталось?

– Мы еле стояли на ногах, когда очнулись, – сказала Блум. – И как я уже сказала, к тому моменту прошло три часа. Мы не были уверены в своем физическом состоянии, не исключено, что мы оба получили серьезные травмы черепа. В конце концов, мы выбрались наверх и попытались осмотреть дом, насколько смогли. Поставили мобильный на подзарядку, сходили к машине и взяли спутниковый телефон. Это как раз тогда я заметила кровавые следы на снегу. Не обычные пятна крови, а как будто что-то тащили и время от времени ставили на снег. Вероятно, что-то напоминающее гроб.

– Но на второй этаж вы не поднимались?

– Мы попытались...

– Да скажите же, черт вас побери, что у вас есть что-то еще, – взревела Ди.

Блум поморгала, наморщила нос и сказала:

– Как я сказала, мы не были на втором этаже. Но мы обошли первый.

– С камерой?

– Да.

Ди громко вздохнула. Бергер поморщился, почувствовав вкус крови в углу рта. Он снова вытер лицо. Салфетка замусолилась. Ему нужно было взять новую.

Блум нажала кнопку на мобильном и подключила его к базовой станции спутникового телефона.

– Вот, – сказала она.

Гостиная ярко освещена, как будто кто-то хотел изгнать царившие здесь долгое время кошмары. Камера поворачивается в сторону обеденного стола. На нем пока никакого спутникового телефона, но зато набросана куча окровавленных салфеток. Потом появляется открытая часть гостиной, камера поворачивает влево в сторону комнаты с телевизором и диваном. На полу около дивана вдруг что-то блеснуло, свет торшера отражается в большой луже. Когда камера приближается к ней, становится видно, что это кровь. В центре она очень яркая, слегка запекаясь. От лужи идут размазанные следы, среди них три отпечатка ноги как минимум сорок пятого размера. Рядом две отчетливые полосы, как будто что-то тащили. Они ведут к холлу, но вдруг поворачивают в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Камера следует за ними до первой ступени, потом подрагивающее изображение начинает дрожать еще сильнее, все начинает вертеться, виден только потолок. Мелькает лицо Бергера с обеспокоенным взглядом. С его лица стекает капля, которая летит навстречу камере, становится все больше и больше, наконец, падает, и все изображение краснеет.

– Ты упала в обморок? – спрашивает Ди в трубке.

– Давай ограничимся тем, что мы не дошли до второго этажа, – сказала Блум.

– Мы вырубались по очереди, – громко добавил Бергер.

Ди явно расслышала его слова, потому что ответила:

– Вы оставили после себя столько следов ДНК, что вряд ли удастся это все убрать. Но я не могу привлечь вас к этому расследованию, ни в каком качестве. И прежде всего, в качестве подозреваемых.

– Нам понадобится несколько часов на то, чтобы убрать все следы, – сказала Блум.

– Вы свет погасили? – спросила Ди. – На видеозаписи все освещено так, что видно на всю округу, наверное. Никакие любопытные соседи не заходили?

– Мы погасили весь свет, да, – ответила Блум. – Никто не заходил. По-моему, этот дом ниоткуда не виден, если только не ехать сюда специально.

– Что, по-вашему, там произошло?

– Преступник пробрался сюда, неясно когда, вероятно, когда Йессики Юнссон не было дома. Он залез в котельную и ждал. В подвале он нашел полено, с которым он намеревался напасть на нее, когда она появится.

– Вы нашли полено?

– Нет.

– Не похоже на предумышленное убийство, – сказала Ди. – Полено?

– Мы вернемся к этому вопросу.

– Вы не должны возвращаться ни к одному вопросу. Вы должны уехать оттуда и залечь на дно, и это всё. Этим делом займемся мы.

– НОО? – спросил Бергер, забирая трубку у Блум.

– Едва ли мы сможем забрать дело у йокмоксской полиции, – ответила Ди. – Но мы будем с ними сотрудничать. Идите уже, черт бы вас побрал, на второй этаж, чтобы мы знали, с чем нам предстоит работать. А потом я убью остаток ночи на то, чтобы придумать способ сообщить о преступлении и какой-нибудь неуклюжий повод вернуться в Лапландию. Не надо было вас в это впутывать. Дилетанты. Подумайте хотя бы о том, что есть небольшой риск, что преступник все еще прячется где-то наверху. Он может оказаться совершенно чокнутым. Сидит и ждет вас там, натянув на себя кожу Йессики Юнссон.

– А кровавые пятна на снегу? Отпечатки колес у гаража?

– Сэм, ты слышал когда-нибудь об уловках, чтобы навести на ложный след? Возьмите с собой хотя бы кухонный нож. И позвоните мне потом.

– Мы отправим видео, – сказал Бергер в уже умолкшую трубку.

В эту же секунду что-то звякнуло об стол перед ним. Он увидел кухонный нож. У Блум в руке был второй.

– Два, – сказала она. – Мы возьмем с собой два.

Они пошли осматривать дом. Бергер шел первым, Блум приходилось снимать на камеру через его плечо. В неосвещенной гостиной уже почти совсем засохшие пятна крови как будто приоткрывали вход в темное подземелье. Бергер включил фонарик и шагнул на лестницу. Практически на каждой ступени виднелись следы, наводящие на мысль, что здесь тащили кого-то в толстых носках.

Бергер и Блум поднялись в холл второго этажа. Все выглядело совсем иначе в тусклом свете фонарика, словно это не та же комната, не тот же дом, не та же вселенная. Следы вели дальше в левую спальню. Дверь в нее была открыта.

Бергер держал наготове нож, стараясь, чтобы свет не падал на лезвие. Он чувствовал дыхание Блум у себя за плечом. Она шла очень близко. Они подошли к двери.

Первое, что они увидели, было покрывало, светившееся в ночи неестественно белым светом. Бергер направил фонарик на кресло. Никаких звуков, ничего, что указывало бы на присутствие человека. Тогда он осветил белую кровать. И увидел контур.

Это был контур человеческой фигуры. Казалось, посреди постели лежит человек, раскинув руки и ноги, как будто изображая снежного ангела на белой поверхности.

И все же это не был человек. У фигуры не было объема. Бергер ощутил дрожание фонарика, сделал еще пару шагов вперед. Потрогал покрывало, контур. Он был как будто нарисован на ткани. И краска уже подсохла.

Несколько часов назад цвет был намного краснее, чем сейчас. А теперь кровь уже запеклась. И запеклась она в виде лежащего человека.

Бергер услышал стон Блум, увидевшей темнеющий на кровати силуэт. Тот, кто здесь лежал, едва ли был жив тогда и совершенно точно не дожил до настоящего момента, когда прошло уже несколько часов.

Бергер осветил комнату, открыл дверь в чулан, по-прежнему выставив перед собой нож. Он посветил внутрь, все выглядело так же, как несколько часов назад. Слой пыли лежал нетронутый.

Они прошли в другую спальню, одинокая постель выглядела еще более обнаженной, деревянные рейки кровати еще больше, чем раньше, напоминали ребра скелета. Но узкая, низкая дверца, ведущая в чулан, выглядела иначе.

Она была приоткрыта.

Бергер и Блум встали рядом с ней, держа ножи наготове.

Бергер сделал глубокий вдох, дернул дверь и направил внутрь фонарик. Здесь слой пыли тоже выглядел почти непотревоженным. Но что-то изменилось. Бергер обернулся, Блум засняла обстановку и отошла в сторону.

Бергер задержался на пару секунд и сосчитал старые чемоданы. Из четырех осталось всего три.

– Один сундук исчез, – сказал он.

Выбравшись из чулана, он увидел, что Блум отложила нож и зажгла свой фонарик. Она осветила пустую спальню. Казалось, она заметила что-то в углу. Подойдя поближе, она присела на корточки, почти исчезнув за остоном кровати.

Вдруг оттуда донесся протяжный стон.

– О господи, – простонала Блум.

Бергер обошел постель, опустился на пол рядом с Блум и присмотрелся. Было трудно разобрать, что у них перед глазами. На первый взгляд предмет напоминал выброшенную на берег медузу.

Он лежал на мягком ворсистом коврикe посреди расплывшегося под ним круглого красного пятна. Бергер и Блум наклонились еще ниже. Блум осветила предмет с разных сторон.

– Это что, человеческая кожа? – спросил Бергер.

Блум увеличила на мобильном изображение снимаемого объекта, сфокусировав камеру на небольшом участке кожи, отличавшемся цветом. Это было похоже на рисунок.

И тогда Бергер разглядел, что это. Это был небольшой рисунок ручкой.

Изображение четырехлистного клевера.

Бергер резко встал, почувствовал, как сильно болит и кружится голова. Закрыв глаза, понял, что вот-вот упадет. Мир превратился в истерически вращающийся калейдоскоп.

Но Бергер не упал. Он открыл глаза. Увидел словно сквозь красный туман человека, стоящего в нескольких метрах от него. Человек выглядел совершенно безумным. Бергер поднял нож. Человек сделал то же.

Секунды, которые потребовались на то, чтобы узнать собственное отражение в темном оконном стекле, будут еще долго мучить его в кошмарах.

II

10

Четверг, 19 ноября, 10:02

Царит покой. Ни единого движения ни на одном из двух мониторов в промерзшей комнате. Затиш даже ледяной ветер. Близкий дом так же безмолвен, как дальний.

Ожидание – это всё. Это мгновения, когда вокруг громоздятся другие картины. Внутренние картины. Возжеленные картины.

Аромат пиний и лучи утреннего солнца, которые танцуют на огромной террасе, рассеивая легкий предрассветный туман. Сквозь морскую дымку вдали проступает высокая скала; размытый силуэт, кажется, плывет по спокойной глади моря.

Дом. Тот самый дом. Еще немножко посидеть на террасе, согретой утренним солнцем, и посмотреть вокруг. Действительно, посмотреть. Суметь увидеть. Все движения, все усилия направлены на это. Во времени есть граница. Дедлайн.

У этой истории есть конец. Счастливый конец.

Не одиночество; они встречаются взглядами, видят, что они смотрят друг на друга, и на короткое мгновение граница между двумя людьми перестает быть абсолютной.

Этого никогда не случалось в реальности. Только в мечтах. В возжеленных картинах. В минуты, которые убегают совершенно незаметно.

Есть цель. Есть момент, когда все станет ясно. Когда напряжение последних месяцев вдруг отпустит. И больше не будет одиночества, это давно решено.

В это мгновение на верхнем экране возникает мужчина, уже шагах в десяти от дальнего дома. Возжеленные картины тают, возвращается суровая реальность, на руки натягиваются тонкие кожаные перчатки. Увеличивается зумом изображение.

На мужчине белая куртка, он плотнее запахивает ее, пробираясь через снег. Нового снега не выпало, ветра нет, на экране только странный белый силуэт мужчины. Словно снежный ангел.

Теперь мужчина появляется на нижнем экране, поворачивает голову в сторону, останавливается, стоит неподвижно, ничего не видя и не слыша. И появляется она.

На верхнем экране женщина идет ближе, ее изображение увеличивается зумом. За несколько недель лыжных прогулок она отточила свою технику почти до совершенства. Мускулы играют под обтягивающим лыжным костюмом, на секунду зум приближает их и увеличивает.

Это она. Та, что должна отменить границу между двумя людьми.

Рука в тонкой кожаной перчатке нажимает кнопку на джойстике, сменяя изображение на мониторе. Теперь обе фигуры видны на нижнем экране. В промерзшей комнате раздается вздох. Клавиатура, профанация.

Вторая рука пишет: «10:24: # и # одновременно подходят к дому #. Не замечено никакой важной активности. Вероятно, начинается совместная работа».

Рука прекращает писать. И кладет на стол пистолет Sig Sauer P226.

11

Четверг, 19 ноября, 10:02

Бергер проснулся. Фрагменты сна кружились у него в голове, как снегопад. Но он не мог выделить ни одной снежинки, не видел ни одного неповторимого узора. Единственным ощущением, которое он определенно испытывал, была ноющая, изнуряющая головная боль.

Он сел в постели и впервые обратил внимание на то, каким маленьким был дом. Спальный мешок, обернутый вокруг его тела, казался не намного меньше. Стены давили. На какое-то мгновение ему показалось, что он протягивает руку к незнакомой двери, которая находится на месте двери в туалет, но прежде чем он успевает ее открыть, дверь распахивается и бьет его прямо в лоб. Все начинает вертеться. В тот же момент раздается вой: и снаружи, от внезапно появившегося отопительного котла, и изнутри, из мозга, который как будто переворачивают и выкручивают. Лежа на холодном полу, Бергер видит, как полено ударяет Блум в висок. Поднимается, но мозг не следует за ним, тело не следует за ним. Он только получает еще один удар и чувствует, как сознание покидает его. Он направляет остатки сознания вверх, пытается – на случай, если наперекор всему удастся выжить, – сфокусировать почти отказавшее ему зрение на лице фигуры, но его нет, оно слишком темное. Бергер видит только полено в руке ускользающей черной фигуры, оно еще раз приближается. Потом остается только темнота.

Совершенно не готовы, сказала Ди. Он помнил ее фразу дословно: «Итак, вы пошли в темный подвал уединенного дома, хозяйка которого утверждала, что ее преследуют, и были *совершенно не готовы*?»

Хотя они пришли туда не потому, что она заявила, что ее преследуют. У их визита была другая цель, и она вытеснила мысли об угрозе, не в последнюю очередь из-за того, что в центре внимания оказался сложно определимый характер Йессики Юнссон. Исходным пунктом было то, что она сутяжница, что преследователь существовал только в ее параноидальном сознании, но потом стало очевидно, что ее показания не соответствовали действительности совсем в другом.

И это он, Сэм Бергер, прервал допрос вместо того, чтобы сразу же установить видеокамеру и продолжить допрашивать Юнссон, не отвлекаясь на второстепенное. Это он, идиот, предложил *осмотреть дом* до того, как зашла речь о том рисунке ручки.

И вот теперь появился еще один.

И он, судя по всему, был сделан на отрезанном бедре Йессики Юнссон.

Бергера захлестнула боль, не имевшая никакого отношения к пульсирующей головной боли. Он скорчился, осознал, что он никуда не годится, что их тандем с Молли – жалкий и бездарный. Оба были нокаутированы сумасшедшим, оказавшись неспособными на самую примитивную самооборону. К тому же они в бегах от правосудия, переставшего быть справедливым.

Дом вернулся и снова стал прежним. Пустым. Совершенно пустым. Хотя в нем и находился Бергер.

Он на ощупь поискал что-нибудь, что могло бы его успокоить. Ни лекарств, ни спиртного, ничего в таком духе. Ему нужно что-то, что приведет в порядок его опустошенный внутренний мир. Он взял шкатулку с часами, посмотрел на шесть невозмутимо тикающих хронометров и попробовал свести неумолимость времени к мягкому, почти синхронному тиканью. Несмотря на усталость от безумного путешествия в зимнюю ночь, на головокружение после удара по голове и на ощущение собственной ничтожности из-за захлестнувшего их моря насилия, Бергер завел все часы, одни за другими, установил правильную дату, проверил, что все показывают правильное время. Это заняло его надолго и успокоило. Маленькие шестеренки снова резво закрутились, как будто только и ждали возможности догнать время, ждали, что обманчиво мягким тиканьем заставят Бергера сделать еще несколько шагов навстречу смерти.

Он приник ухом к шкатулке, выделил каждое тиканье из общего хора: два IWC, два Rolex, один Jaeger-LeCoultre, один Patek Philippe. Они как будто отмеряли более дружелюбное время, чем то, к которому мы привычны.

И все же они не смогли успокоить Бергера. Не до конца. Для этого требовались более сильные средства.

Он взял мобильный телефон. Открыл папку с фотографиями. Долистал до начала. Нашел то, что искал. Нашел близнецов в овражке, поросшем мать-и-мачехой. Им тогда было по восемь лет, их одели слишком тепло для того дня. Оскар улыбался, Маркус смеялся. Последняя фотография, отправная точка. В то время их фамилия еще не была Бабино. Они еще не жили в Париже, только медленно, но верно отдалялись от своего настоящего отца, которого безвозвратно предали забвению. Но для Сэма Бергера они остались Полярной звездой, *неподвижной точкой вращающегося мира*.

Они были для него раем, куда ему никогда не попасть.

Полюс недоступности, подумал он. Вот где он находится. На максимально возможном расстоянии от людей. Низший предел. Достигнутое дно. Нулевая отметка.

Болевая точка.

Вот где он находится.

Он выглянул в окно, увидел бесконечную белизну. Пустота, мир без знаков. Именно таков Сэм Бергер в роли отца. У Маркуса и Оскара теперь другой отец, француз. Видимо, Сэма Бергера оказалось на редкость легко заменить.

Отцовская роль, она очень сильно отличается от роли полицейского, единственной, которую он никогда не играл. Полицейский Сэм Бергер был более приемлемым отцом, чем человек Сэм Бергер.

Он должен снова стать полицейским, это его единственный шанс стать человеком. Он скучал по своим сыновьям до боли, куда более сильной, чем сотрясение мозга, чем чувство профессионального краха. Он скучал по их телам, улыбкам, болтовне, по их живой, настоящей жизни. Он больше не был частью ничьей жизни. Он стал отшельником, отшельником-неудачником.

Которого спасла Молли Блум. Ей удалось скрыться с ним от СЭПО, от всего непонятного, что завело их сюда. И он полагался на нее, безгранично полагался. Несмотря на то что всё казалось крайне неопределенным, начиная с момента, когда он увидел взгляд мертвой Силь. Он находился более или менее без сознания больше двух недель. Было ли это в принципе возможно? И все же он *должен* полагаться на нее. Она его последняя соломинка. Он встал, натянул на себя одежду, надел Patek Philippe, влез в незнакомые ботинки и увидел себя в заляпанном зеркале в туалете. Бог с ней, с безумной бородой, но вроде и в прическе что-то изменилось? Она выглядела такой ассиметричной, что Бергер отвел глаза. Должно быть, во сне из него вышли реки пота. Он распахнул дверь в зимнюю равнину. Как же пусто здесь, в глуши. Мир без знаков.

Бергер плотнее укутался в странную белую куртку и пошел по протоптанной в снегу тропинке. По крайней мере, несколько часов с того момента, когда он полумертвый доковылял до дома, не было снегопада. Вскоре в снежной белизне показался домик Блум. Он казался совершенно необитаемым. Пока Бергер не увидел вдалеке белый силуэт, быстродвигающийся по снегу. На секунду его сбила с толку нескладная походка, но тут он понял, что силуэт просто-напросто передвигается на лыжах.

С разных сторон, но приблизительно одновременно они добрались до дома. Пар от дыхания клубился вокруг Блум, пока она снимала лыжи.

– Ничего себе, – сказал Бергер.

– Надо же было чем-то заниматься, пока я ждала тебя, – выдохнула Блум. – Спутник не способен различить лыжню.

– И я ее вчера не видел.

– Ты видишь не все, что имеет отношение ко мне.

– Я очень хорошо это знаю, – сказал Бергер и попытался не вложить в эту фразу никакого подтекста.

Блум открыла маленькую дверцу рядом с главным входом. За ней оказалась маленькая комнатка, которая, судя по всему, предназначалась только для лыж.

– У тебя есть такая же, – сказала Блум, закрыла дверцу и открыла дверь в дом.

– С лыжами или без? – спросил Бергер.

– С лыжами, – ответила Блум, улыбнувшись, и вошла в свою лачугу.

Компьютер оказался включен, на мониторе крутились причудливые узоры в качестве заставки. Бергер отметил, что компьютер подключен к спутниковому телефону Ди.

– Ты катаешься на лыжах, – констатировал Бергер. – Стало быть, с головой все в порядке?

Блум погладила себя по белой спортивной шапке.

– Я немного боялась перелома черепа. Трещин в кости.

– И в ответ на этот страх ты отправилась в пустыню на лыжах? А если бы ты потеряла сознание? Ты бы замерзла до смерти. В половине одиннадцатого спутник передал бы изображение твоего лежащего в снегу тела, если бы раньше не случилось ничего другого.

– Мне надо было подвигаться, – ответила Блум синими губами.

Бергер покачал головой, указал на компьютер и сказал, прощупывая почву:

– Ди велела нам держаться подальше от этого дела.

Блум не ответила, сняла толстую лыжную перчатку и провела потным пальцем по тачпаду. Вместо кружащихся узоров на экране появился человек. Это была Йессика Юнссон.

Было такое чувство, что они оказались лицом к лицу с мертвецом.

Однако с момента, когда они действительно сидели с ней лицом к лицу, прошло меньше суток. Только тогда она была живее некуда. И выражение лица было точь-в-точь такое. Неожиданно острый, но бегающий взгляд, намек на улыбку в уголках губ. И вместе с тем упрямство и нежелание отступить хотя бы на шаг.

– Я вижу огромные пропуски в биографии Йесрики Юнссон, – сказала Блум, скинула с себя белую куртку и села перед монитором.

Бергер взял оставшийся стул и уселся рядом. Перед глазами мелькали какие-то данные.

– Родилась в тысяча девятьсот восьмидесятом, – сказал Блум, показав на экран. – Детство в Рогсведе внешне выглядит вполне нормальным. Вообще никакой информации в полицейском архиве. Гимназия с медицинским уклоном, учеба на медсестру. Летняя работа в больницах во время учебы. Что-то вроде ночной сиделки в психлечебницах и домах престарелых.

– То есть до двадцати пяти лет никаких пропусков?

– Год в США, когда ей было восемнадцать-девятнадцать. Непонятно где и что. Но это был обычный год на раздумья, по возвращении она начала учиться на медсестру. Потом работала несколько лет в больнице святого Георгия, в каком-то бассейне или типа того. Кроме того, у нас есть информация об одном случае, которую я нарыла, пока ты изображал Спящую красавицу.

– Сомневаюсь, что даже моя мама так бы меня назвала, – пробурчал Бергер. – Что за случай?

– Его не было в материалах, которыми нас снабдила Росенквист. Мне пришлось пойти другим путем. В двадцать пять лет Йессика Юнссон встречает, что называется, «не того парня». Его зовут Эдди Карлссон и он, кажется, самый настоящий, просто-таки стопроцентный наркоман и стопроцентный психопат. Это все происходит десять лет назад. Она заявляет в полицию, что он ее избивает. Ему запрещают к ней приближаться. Зафиксировано еще несколько инцидентов. Поступает заявление об изнасиловании, и полиция Сёдерурта выезжает, чтобы задержать Эдди Карлссона. И потом тишина.

– Тишина?

– На Эдди Карлссона в полиции есть дело, в котором его жизнь отслеживается до района Муры, но в данном случае десять лет назад он не сел. Он просто исчез. Последнее, что о нем говорится: вероятно, он бежал за границу с поддельными документами.

– Предположу, что именно тогда появляются пробелы в биографии Йессики Юнссон.

– Да, – подтвердила Блум. – Классический пример программы по защите свидетелей.

– Но впоследствии она вернулась к своему настоящему имени? Это должно означать, что Эдди Карлссон умер и она, наконец, решилась вернуться к своей прежней жизни. Значит, Эдди Карлссон не может быть человеком с поленом. Она не могла бояться его, сбежав в Порьюс и поселившись изолированно в одиноко стоящем доме в Лапландии.

Блум посмотрела на него какое-то время, нахмутив брови. Потом произнесла:

– Отрадно видеть, что ты снова в строю.

– Никто из нас не в строю, – гаркнул Бергер. – После этого чертова подвала. Как мы могли не преду-смотреть этого? Как мы могли пойти туда совершенно неподготовленными?

– Тебе не приходило в голову, что это твоя Дезире Росенквист виновата в том, что мы были не готовы? Что она нас *настроила на неготовность*?

На сей раз Бергер не нашелся, что ответить. Он уставился на Блум.

– Что ты имеешь в виду? – выдавил он из себя в конце концов.

– За нами охотится СЭПО, – ответила Блум. – Мы вполне можем предположить, что с их стороны будут использованы какие-нибудь не совсем банальные стратегии. Если бы наше задание сформулировали нейтрально, не внушая нам, что Йессика просто ненормальная, мы бы, вероятно, больше насторожились, идя в подвал?

– Но если бы Ди работала на СЭПО, мы бы никогда не получили этого задания. Нас бы просто забрали в Квикйокке. Ди бы даже туда не приехала, прислали бы только чертова Кента и чертова Роя.

– Вернемся к Эдди Карлссону, – сказала Блум, проведя пальцем по тачпаду. – Ты угадал, Эдди Карлссон мертв. Он умер от передозировки четыре года назад, никто даже не знал, что он вернулся в Швецию. Судя по всему, из Таиланда.

– И сразу после этого снова появляется Йессика Юнссон?

– Да, и ее прежний личный идентификационный номер. Однако же, никаких доходов. Она уже нигде не работала, когда мы с ней встретились, и я не вполне понимаю, как она могла себя обеспечивать. Не вижу никаких пособий, ни социального пособия, ни по безработице. Кажется, первый раз она засветилась под своим старым личным номером на покупке дома. За наличные.

– В Порьюсе? – воскликнул Бергер.

– Да.

– В тот момент, когда опасность исчезает, она замыкается в изоляции? Нет ли в этом внутреннего парадокса?

– Может быть, она говорила правду, – предположила Блум. – Возможно, она действительно хотела спрятаться от «людей в целом».

– Но во время допроса она не произвела такого впечатления, правда?

– Правда. Она снова кого-то встретила. Вероятно, это произошло в период, когда она жила под чужим именем, и это сложнее отыскать.

– Но не невозможно?

– Если только мы рискнем положиться вот на это, – ответила Блум, показав на спутниковый телефон.

– Ты намекаешь на то, что Ди могла нас подставить? – мрачно поинтересовался Бергер. – Но как бы я ни крутил и ни вертел эту мысль, я не вижу для Ди никаких причин так поступить. Это настолько сложно, что выходит за пределы разумного. СЭПО, охотясь на нас, умудряется перевербовать Ди, подкупает ее, возможно, повышением и новой должностью в НОО, а потом

заставляет ее дать нам это странное задание и следит за тем, чтобы мы были не готовы и пали жертвой убийцы в чертовом Порьюсе. Нет, надо все же знать меру.

Блум пожала плечами и сказала:

– Просто интуиция подсказывает мне, что все кажется не тем, чем является на самом деле.

Бергер прикусил язык, покачал головой. Блум продолжила:

– Если мы можем довериться телефону, у меня сохранились пути в архивы. Еще с тех времен, когда я как агент выполняла задания СЭПО. Эти пути абсолютно надежны. Мы поставим твой компьютер на другой стороне этого стола и подключим и его тоже. И докопаемся до самой сути. Договорились?

Бергер собрался с силами, насколько сумел. Потом кивнул.

12

Четверг, 19 ноября, 13:47

Изображение подрагивает, на экране мелькает гостиная, в которой не сказать что царит порядок. Камера фокусируется на ребенке, на маленьком мальчике в нескольких метрах от снимающего. На нем маленькие джинсы и желтая футболка с бананом. Когда он встает, опираясь на стопку книг, его движения очень осторожны. Но он остается стоять, покачиваясь. В руке малыш держит книжку с картинками. Его требовательный взгляд падает на нее, он улыбается, как будто хранит какую-то тайну. Женский голос произносит: «Ты хочешь почитать про зверей, Расмус?» Мальчуган делает шаг, потом еще один, книга по-прежнему у него в руке. Он пошатывается, но удерживается на ногах. Сделав пять шагов, он бросается вперед, к дивану, который только сейчас попал в кадр. Его ловят женские руки, ликующий женский голос восклицает: «Это твои самые первые шаги, Расмус. Какой ты умница!» Малыш устраивается на коленях у женщины, открывает книгу и говорит: «Читать звери». Тут только на экране появляется лицо матери, она улыбается и утирает слезу в уголке глаза. У нее средней длины, довольно темные волосы и румяные щеки. Она открывает книжку. Мальчик смотрит на нее в предвкушении, повторяет: «Читать звери». Но глаза женщины не могут оторваться от его глаз. Она наклоняется, нежно обнимает ребенка, его ручка отпускает книгу и ложится на волосы мамы. Она радостно смеется, от всего сердца, и это заставляет малыша тоже рассмеяться. Их смех сливается. Женщина с любовью целует сына в щеку, и все останавливается.

– Ты готова к продолжению? – спросил Бергер.

– Вообще-то, нет, – ответила Блум.

Изображение матери, целующей круглую щечку сына, внезапно сменяется на совсем другую картину. Поросший зеленью овраг, темный и влажный, женское тело и перевернутая коляска, за ручку которой продолжает держаться рука женщины. Маленькая футболка, на которой едва заметен банан, уже не желтого цвета.

– О господи, – простонала Блум и перевела взгляд на Бергера.

Он приблизил изображение и не стал вытирать медленно скатившуюся по левой щеке слезу.

– Это было наше первое с Ди общее дело, – глухо пояснил он. – И мы участвовали в нем только как помощники. Аллан Гудмундссон был в числе троих ответственных за расследование, подчинялся государственному обвинителю Рагнару Лингу. Но именно этот контраст мне и запомнился больше всего, переход от первых шагов четырнадцатимесячного Расмуса Градена и безграничного восторга мамы Хелены, от их нескрываемой любви – к их истерзанным телам в овраге. Думаю, я так и не оправился от этого шока.

– Орудие убийства установили? – спросила Блум и сама принялась менять масштаб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.